

Александр Афанасьев

ПОД ВДРОМ

2

Операция "Арлекин"

Александр Афанасьев

Под ударом-2.
Операция «Арлекин»

«Автор»

2023

Афанасьев А.

Под ударом-2. Операция «Арлекин» / А. Афанасьев — «Автор», 2023

Продолжение крутого шпионского детектива, действие которого разворачивается в Восточной и в Западной Европе, в США и на территории СССР, в альтернативной истории. В этой истории Горбачёву не удалось развалить СССР, поскольку его вовремя застрелили враги перестройки. Именно поэтому ЦРУ совместно с британской разведкой затеяли опасную многоходовую комбинацию по нейтрализации советского влияния на страны Восточной Европы. На этот раз в центре интриги оказывается суперагент по кличке Арлекин.

© Афанасьев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Александр Афанасьев

Под ударом-2. Операция "Арлекин"

И если есть порох – дай огня.

Вот так!

В. Цой

Хельсинки, Финляндия. 23 января 1989 года (Продолжение)

– И ты хочешь, чтобы я этому поверил?

– Это правда

– Правда?!

...

– То есть, ты трахнул бабу в поезде, а потом она согласилась работать на тебя и передавать стратегическую информацию?

– Трудно поверить, но это так

– Да ты не в своем уме

– В своем, – вздохнул Натирбофф, – в своем...

– Почему ты ей поверил?

...

– Я слушаю.

– Потому что вы ни хрена не можете понять.

– Да?

– Мои дед и бабушка вынуждены были бежать из большевистской России. Но многие остались. Многим некуда было бежать. А кто-то просто – не смог. Эти люди по-прежнему в России.

– И она одна из них?

– Одна из ее бабушек была фрейлиной при дворе последнего императора.

– Как интересно. И ее не расстреляли?

– Она вышла замуж за какого-то большевистского функционера и потому осталась в живых. Н детей она воспитала в ненависти к большевизму

...

– Она мне показывала дом, где их семья жила до 1917 года. Это не сыграешь, Боб. Я знаю, как это выглядит...

– Или тебя поймали.

– Перестань. Я сорвался в Ленинград внезапно, поездка была незапланированной. Я купил билет в кассе вокзала.

...

– Это не сыграть...

– Так. Тогда кто та женщина? Спекулянтка?

– Я не знаю.

– Просто прекрасно...

...

– А откуда у нее информация?

– От ее мужа. Она его ненавидит.

– Кто он?

– Вадим Андреевич Половцев. Полковник Генерального штаба. Теперь уже генерал-лейтенант.

– Он... знает, как думаешь?

– Почти наверняка нет.

– То есть Арлекин – она, а не он.

– Да.

Гейтс сел на кровать. Его стакан остался недопитым.

– И как ты планируешь работать дальше?

– Ты? Или мы?

Гейтс проигнорировал вопрос:

– Если Колби мог бы тебя понять, то новый – нет. А Хэтэуей сейчас – помощник директора. Так как директор в разведке полный ноль, кого он будет слушать?

– Я не собираюсь выдавать информацию Хэтэуею. Еще не хватало потерять и Арлекина.

– Да перестань ты! Сейчас в дерьме ты, а не он! Если ты начнешь поднимать тему о недоверии Хэтэуею.

– Агенты молчат, Боб. Ты уверен, что с ними все в порядке?

...

– И да. Почему-то проблемы с агентами в России начались именно тогда, когда Хэтэуей получил помощника директора¹.

– Достаточно...

...

– Хорошо. Допустим. Надо найти источник, которому Хэтэуей поверит. Что это Арлекин...

...

– Поехали в посольство.

Германская демократическая республика, Берлин. Штаб-квартира Штази. 03 февраля 1989 года

– ... Значит, русскую, предположительно жену русского генерала, задержали на станции метро в компании валютного менялы и с полной сумочкой долларов. И выручать его лично приехал сам оберст Пиотровски.

– Так точно.

Полковник Шальке не знал, что и думать. Девяносто процентов их работы – это проверка нитей, которые никуда не ведут. Оставшиеся десять процентов – из них девять вполне обыденные дела и случаи. И только один процент – вдруг открывает перед тобой самую настоящую бездну...

Управление коммерческого сотрудничества

Само Штази было ориентировано на работу против одного, главного противника, и этим противником была Западная Германия. Общий язык, наличие большого количества родственников по ту сторону границы и вообще – сам тот факт, что границей был разделен один народ – делали возможным засылать на ту сторону сотни, тысячи нелегалов. Но помимо этого – шел сложный и неоднозначный процесс сотрудничества по обе стороны границы. Для большинства жителей ГДР было возможно принимать телепередачи с той стороны и уровень жизни западных немцев не был для них секретом – при том, что производительность западногерманской экономики на одного работающего была выше в несколько раз. Необходимость хотя бы примитивно поддерживать паритет с ФРГ в вопросах обеспечения населения, делала потребность в западной валюте для закупки товаров крайней необходимостью – при этом продать что-то для получения ее ГДР просто не могла, у нее не было таких товаров, которые пользовались бы спросом, за исключением некоторых (например, оптика из Йены). Чтобы решить проблему получения валюты, было создано УКС Штази. Структура, которая совмещала в себе не совсем чистые методы разведки и капиталистическое мышление в социалистической экономике. Короче говоря, это было единственное подразделение Штази, где даже не заикались о

---

¹ На самом деле это не совсем так.

защите социалистической родины и самого передового в мире строя. Там были люди, которые решали конкретные вопросы с предельной степенью конкретности.

Негде сбрасывать мусор? Не вопрос – везите составы с мусором, а то и с опасными химическими отходами к нам, мы найдем им применение.

Нужны рабочие руки для труда, который при уровне зарплат в ФРГ просто не окупается? Не вопрос, мы разместим заказы на наших фабриках, а если надо еще дешевле – используем труд заключенных. ГДР восьмидесятых уже активно использовала гастарбайтеров из Африки. Процесс следующий: социалистическая страна присылает просьбу о помощи в создании армии или спецслужб, туда направляются сотрудники Штази, или военные инструкторы из спецотряда на острове Рюген. А заодно – Штази смотрит, что подешевле и предлагает часть оплаты не деньгами, а рабочими для немецких фабрик². А потом у немецких женщин начинают черные дети рождаться...

Понятно, что сотрудники УКС были в Штази на особенном счету. Они практически свободно пересекали границу, порой жили на той стороне месяцами, а то и имели там постоянное жилье. Понятно, что и себя не обижали – дорогие костюмы, обувь, импортные автомобили – многие жили явно не по средствам. И другие подразделения Штази вряд ли питали к этим людям добрые чувства, особенно те кто боролся с инакомыслием внутри страны.

К последним относился полковник Шальке. Он понимал, что УКС во всем, что бы ей не понадобилось, встречает в руководства полное понимание и содействие, потому что когда что-то надо... машинку, костюм, игрушку для ребенка – они все идут к УКС. Но и если УКС будет творить все что ей вздумается... а зачем тогда вообще нужна ГДР? Какой социализм мы строим? К чему идем?

– Ты делал запрос на оберста Пиотровски?

– Никак нет

– Как же ты проверял?

Капитан покраснел

– У меня есть знакомые. В картотеке...

– То есть, то что ты интересовался оберстом и этим делом нигде не зарегистрировано?

– Никак нет. Разве что в Управлении Народной милиции, но там я обошелся без письменных запросов.

Полковник кивнул

– Хорошо. Я подумаю, что с этим делать. Иди.

Дрезден. ГДР. 19 февраля 1989 года

С утра генерал был не в духе, Николай сразу это понял. В таких случаях лучше всего прикинуться ветошью и не отсвечивать, а то навтыкают взысканий, не вытащишь потом. Генерал был мрачнее тучи все утро, а уже после обеда, когда они ехали в Берлин по делам, он вдруг сказал

– Останови машину

На трассе останавливаться было нельзя – но Николай подал сигнал, остановился и включил аварийку. Военная Волга с черными номерами, не тронут...

– Ты Ирину Альбертовну и Злату Иосифовну по магазинам возил?

– Так точно

– Не такточидай! – зло сказал генерал. – Чем они платили? Как?

– Я не видел. Они сами с продавцами договаривались, я только принеси-погрузи

– Значит, не видел...

Повисло молчание

---

² Это правда. Только в Африке Штази в той или иной мере советничала в 20 (!!!) странах. Существовал вполне легальный рынок гастарбайтеров в соцлагере, например африканцы ехали в ГДР, а Польша принимала вьетнамцев.

– Случилось что-то, Вадим Андреевич? – осмелел Николай.
Генерал скривился.

– Пришла бумажка... из народной милиции сигнал. Ирину поймали на станции метро с каким-то спекулянтом. С полной сумкой валюты...

...

– Это Злата... с..а ее на это подбила.

Генерал посмотрел на Николая.

– Был женат?

– Нет.

– И правильно. А если соберешься – смотри внимательно на тещу. Но не на рожу и на ж... – а на то чем она живет. Поехали.

...

В Берлине маршрут был известен – министерство обороны, потом главный политический штаб. У штаба генерал посмотрел на часы.

– Свободен до девятнадцати.

– Спасибо...

Генерал не отреагировал, он уже печатал шаг, направляясь к зданию Стойкий оловянный солдатик...

Николай отъехал на соседнюю улицу. Рядом – с визгом тормознула Шкода.

– Садись!

Пассажир из Шкоды перебежал за руль Волги – именно перебежал.

– Если он машину разобьет...

– Не переживай, цела будет твоя лайба...

Шкода рванула с места, набирая скорость.

– Куда мы?

– Увидишь.

Резкий поворот – они выскочили на проспект.

– Ближе? Или дальше? – бросил Аслан в рацию.

– Сто метров. Перед тобой. Волга, белая...

– Принял.

Аслан немного сбросил газ.

– Видишь Волгу впереди? В ней твой шеф.

Интересные дела. Бросил машину...

– Зачем?

– Вот и нам интересно – зачем...

Николай смотрел во все глаза на Волгу. Частным лицам она не продается, это представительская машина здесь – выше нее только Татры и Вольво, которые положены министрам и членам Политбюро. Машина кстати старая, двадцать четвертая – и сзади шторки на стекле...

Аслан снова взялся за рацию.

– Двенадцатый, где ты?

– Прямо за тобой.

– Занимай наше место.

– Есть.

Их Шкода начала смещаться в сторону.

– Куда он едет, вы знаете?

– Официально – к бабе. А не...

...

Шкода, покрутившись еще берлинскими улицами, встала в каком-то проулке. Аслан кивнул назад.

– Переодевайся, быстро. Шмотье кстати тебе, оставишь. Тебе еще пригодится.

Николай начал переодеваться – рубашка, костюм, похожий на те которые шили нашим олимпийцам³. Значок, непонятно что обозначающий.

– Что за значок?

– Члена компартии Анголы⁴. Давай...

Вдвоем они оставили Шкоду, прогулочным шагом пошли по переулку, свернули. Аслан явно знал, куда шел...

А дома тут были старые, еще времен Рейха, уцелевшие или отремонтированные. Николай знал, что они отличаются тем, что один туалет с душем на этаж, но кухня своя – как в наших малосемейках. Тогда это считалось нормально.

– Смотри внимательно

– Куда?

– Сейчас увидишь...

Мимо пронеслась Вольво причем не обычная для ГДР 240-ая – а 740-ая, которую только что закупили большой партией МИД СССР, Управделами ЦК и пара других организаций. Остановилась у порога, какой-то мужик – он был за рулем, без водителя ездил – скорым шагом прошагал в подъезд. Было заметно, что он одет совсем «нездешне» – костюм было видно хотя бы по его качеству...

Дальше по улице стояла Волга со шторками на заднем стекле

Как бы не Лондон

– Видал?

– Кто это?

– Полковник Кауфман, командующий Bereitschaftspolizei – полицией постоянной готовности. Это что-то вроде внутренних войск.

Николай вспомнил.

– Вадим Андреевич... сегодня сказал, что Ирину Альбертовну поймали на станции метро с каким-то спекулянтом при обмене валюты. Какая-то бумага пришла. Может, пытается договориться чтобы проблем не было?

– Интересно. Пошли...

...

С Басиным они встретились уже на другой квартире. Эта была намного старше, расположена она была в старой четырехэтажке. Без лифта. На стене у двери была нецензурная анти-советская надпись, небольшая по размеру...

Аслан увидев это ухмыльнулся.

– Видишь, ошибка

– ...

– В слове «с..и»??

– Ну?

– Значит, здесь пока безопасно. Если бы ошибки не было – идти сюда было бы нельзя. Значит, явка провалена...

...

Басин встретил в большой комнате – гостиной. Выставил на стол чешское пиво – приличное пиво, экспортное. Жигулевское и рядом с ним не стояло...

– Как по-твоему – сказал он – Половцев живет по средствам?

---

³ Костюмы нашим олимпийцам шили действительно в ГДР. Первоначально заказ выполнила фабрика Большевичка, но кто-то из организаторов Олимпиады-80 посмотрел на примерку, выругался, и сказал что похоже на концлагерную униформу. И срочно закупили партию костюмов в ГДР.

⁴ Вполне могло быть и так – это сигнал для наружников «я свой» правда не слишком профессиональный, потому что одинаковые значки может заметить и контрнаблюдение.

Николай начал вспоминать – личный водитель и адъютант видит многое.

– Думаю, да – сказал он – ничего такого у него нет

– А на какие деньги тогда его супруга и теща закупаются в магазинах?

– На свои. Я слышал их разговоры, Злата Иосифовна работает в торговле...

Басин кивнул

– Да, мы это проверяли. Она – заместитель главного бухгалтера торгового предприятия, но ее реальный вес в торговле намного выше, она и не главный бухгалтер потому что не хочет отвечать. Проверка ОБХСС ничего не дала, но тут наверное надо самому ОБХСС трясти. Они занимаются распределением дефицита: мебель, гарнитуры, люстры. Много получают товара из стран социалистического содружества. Он приходит контейнерами, по несколько товарных мест в поезде. Что может приходиться вместе с такими контейнерами – доподлинно неизвестно.

– Товарищ полковник... в чем все-таки подозревается Половцев?

– Ишь какой... – Басин допил пиво – да если бы мы могли ответить на этот вопрос, половина проблемы была бы решена. Не можем.

– Тогда почему его не переведут отсюда.

– По трем причинам. Первая – подозрения это все же подозрения и не более того. Армия – не милиция, тут недоверие – не повод для увольнения.

– Пусть переведут.

– Не перебивай старших. Второе – Половцев отличный планировщик, штабист, таких мало. Работу он знает, прошел все ступени, на кого его заменять? Обстановка сама знает – нездоровая того и гляди начнется.

...

– И третье. Не дело лейтенантам – маршалам указывать. Понял?

Николай встал

– Так точно

– Раз вскочил, сходи до холодильника. Там еще есть пиво...

Николай сходил до холодильника – там было еще пиво, но уже местное, бутылочное.

– Как по-твоему, у товарища генерала много местных вещей?

Николай припомнил

– Да не больше чем у всех. Пара костюмов на выход, ботинки штатские – пара. Ну, сорочки, белье может быть.

– А западногерманских? Грюндиг там?

– Ничего нет. Телевизор у него в коттедже советский...

– А вещей в коттедже много?

– До того как Злата Иосифовна приехала – как у всех было. Лишнего ничего

– Злоупотребляет?

– Меньше остальных.

Басин посмотрел на Аслана

– Ты сказал?

Аслан кивнул

– Супруга генерала имеет какие-то контакты с полковником Пиотровски, они встречались и не раз. А полковник Штази Пиотровски человек интересный. Ни он ни с кем просто так не встречается – ни с ним никто просто так не встречается...

...

– Через него и его управление идут огромные суммы в валюте, иностранные вещи, причем не сумками – а контейнерами, машинами, поездами. Вся обстановка на дачах местных партийных бонз, руководства Штази – от него. В обмен...

...

– Например, как тебе такой сюжет. В ФРГ остро стоит проблема мусора. И не просто мусора, а отходов. В том числе и опасных. Страна небольшая, выделять землю под полигоны... так вот, ГДР и ФРГ заключили секретный договор, по которому ГДР принимает эти отходы за хорошие деньги. Но эти отходы мало того что принять, надо еще и разместить, захоронить. И желательно чтобы никто ничего не знал, и не бросалось в глаза, чтобы лишние люди не совались. Как думаешь, где можно захоронить так чтобы и не совался никто, и чтобы все было сделано без сучка без задоринки...

...

– Думай, думай...

– Неужели на наших полигонах? – понял Николай

– Молодец. Именно. А если еще и привлечь наши войска РХБЗ, самые мощные во всей Советской армии...

– Это преступление.

– Скорее серьезное злоупотребление. Но тут вопрос в другом. Если немцы делают такие вот дела, и с ним в доле наши генералы, что будет, если к ним придет МАД⁵ и попросит оказать и другие услуги? Что будет?

Басин требовательно смотрел на Николая.

– Ты расслабился. Признай.

...

– Так точно.

– Предатель никогда не выглядит как предатель, иначе бы предателей не было. Обычно – предатель тот про которого в жизни не подумаешь. И мотивы – обычно такие про какие не подумаешь. Понял?

– Что надо делать, товарищ полковник.

– То же что и раньше. И не искать оправданий.

...

– Пропустишь Аслана, когда генерала на месте не будет. Проведем спецтехмероприятие. Иди.

...

– Что говорили про спецтехмероприятие?

– Послушаем твоего шефа – Аслан лихо управлял машиной – хотя вряд ли что это даст.

Он не такой дурак, чтобы...

– Когда?

– Как оборудование придет.

Они остановились на том же месте.

– Иди. Лицо попроще сделай.

...

Оказавшись за рулем Волги, Николай задумывался. Все вписывалось за исключением одного. Утреннего разговора в машине.

В виновность генерала в предательстве он верить не хотел.

...

Когда ехали обратно – от генерала пахло спиртным...

Дрезден. ГДР. 20 февраля 1989 года

С утра – Злата Иосифовна собралась уезжать, и Николай вынужден был заниматься отправлением ее и набранного ей контейнера вещей...

---

⁵ Немецкая военная разведка пришедшая на смену Абверу.

А это не так просто. Они думали, что так контейнером и можно отправить. Оказалось – нельзя. Пришлось перегружать весь контейнер в багажный вагон, для чего припахали целое отделение солдат. Все это было под строгим надзором и покрикиванием Златы Иосифовны.

И если ночью Николай думал даже о том чтобы подать рапорт и – к чертовой матери, то сейчас – решил: да. Этот клубок надо размотать до конца, что-то неладное здесь.

Тут он стал свидетелем еще одной сцены у машины – их Волга стояла на грузовом дворе, и он видел, как Ирина Альбертовна передала своей матери какой-то газетный сверток. Судя по форме и размерам, там были деньги и немалые.

Интересные дела...

Николай пошел окончательно улаживать дела с документами на погруженный товар, обе женщины считали это ниже своего достоинства, да и не знали что да как если честно. В коридоре, где толкались и суетились офицеры и прапорщики – он увидел Аслана. И даже не удивился

Аслан кивнул – пойдём...

...

– Вот этот установишь дома. И этот. Сам посмотри, где.

...

– Вот этот в кабинете. Ты туда доступ имеешь, посмотри. Лучше – за батареей.

Николай смотрел на странные устройства, размером примерно с половину спичечного коробка.

– Как ставить?

– Любой клей. Только смотри, не просвисти. Японские, если пропадут жуки – нам за них голову оторвут...

...

– Перчатки надень. Вытри, перед тем как ставить.

...

– Вот это вот ретранслятор, похож на обычный радиоприемник. Поставишь у себя в комнате и держи все время включенным...

...

Вечером того же дня – Аслан остановил свою шестерку у тротуара одной из неприметных городских улиц. Дважды мигнул фарами – это означало «да», единица – нет, любая другая комбинация – тревога. Шедший навстречу по тротуару типичный немец, возвращавшийся из магазина – резко свернул, споро забрался в машину. Шестерка тронулась.

– Ну?

– Жуки забурчали, товарищ полковник.

Басин довольно кивнул.

– Как работают?

– У Тимура ретранслятор. Дальше сигнал идет на запись, в багажник машины. Машина легальная стоит на стоянке.

– Запись там на сколько?

– Технари сказали, минимум на четыре дня, пока аккумулятор не сядет.

– Потом?

– Поменяем машину.

– Радиоконтроль там есть?

– Есть, но сигнал маскируется под обычный. Периодического контроля помещений там нет.

Басин кивнул.

– Куда едем?

– В Дружбу народов...

...

Надо сказать, что полковник Басин никогда бы не получил ни японские жучки (они закупались за валюту и использовались только для важнейших операций ПГУ и ВГУ, военной контрразведке такие не полагались), ни спецаппаратуру такого уровня, если бы не два обстоятельства.

Первое – розыскное дело «Дурман». Это дело, которое уже несколько лет то прекращалось, то начиналось вновь. Следствие велось по факту причастности офицеров советской армии, в том числе высокопоставленных к наркотранзиту. Причем к настоящему времени – оперативно-следственная группа пришла к выводу, что первые факты были еще до 1980 года, до Афганистана – еще в семидесятые кто-то в Ташкенте занимался скупкой и отправкой в Россию, Украину, страны Прибалтики опиумного мака и растений конопли. Тогда это конечно было не в таких масштабах, на всю Москву было всего несколько сотен наркозависимых. Но и им – было нужно, причем постоянно. Потом – зараза переползла через границу. В Афганистане росла лучшая в мире конопля, но сами афганцы употребляли ее мало. В семидесятые годы страна была меккой для хиппи, которые через Европу ползли в Индию, но часто задерживались в Афганистане на месяцы, если не навсегда. Сами афганцы снисходительно смотрели на странных, волосатых европейцев, которые сушили и с блаженным видом курили траву, которую едят овцы⁶. Сами афганцы употребляли традиционный для этой части света насвай, а опиум использовали для обезболивания и борьбы с болезнями желудка⁷.

Зато с приходом советской армии все изменилось. Советские солдаты, находясь в постоянном стрессе, нуждались в чем-то, чтобы его снять, а разрешить, например, употребление красного вина как во французской армии – не додумались. Нужно было и обезболивающее из-за промедола которого вечно не хватало⁸. Плюс – ЦРУ США сделали ставку на разложение советского ограниченного контингента через его наркотизацию по опыту Вьетнама – и у ворот воинских частей появились точки и дилеры. Единственным родом войск, где этого не было, был спецназ – замеченного либо выгоняли, либо жестоко избивали сослуживцы, потому что один наркоман мог стать причиной гибели всей группы...

Но постепенно – кто-то в командовании понял, что наркотики можно транспортировать в Союз – и там за них будут давать совсем другую цену. В самом Союзе количество наркоманов увеличилось на порядок, и росло с каждым годом. Особенно отличалась Грузия, первая советская республика, где наркомания стала массовым явлением и захватила значительную часть молодежи⁹.

Где наркотики – там большие деньги, там – убийства, коррупция, звериная жестокость. Но были и люди, которые годами, рискуя жизнью (от рук мафии погибли уже несколько следователей и оперативников) расследовали эти преступления. Так они вышли на транзит героина через СССР за рубеж – и передача происходила через ГДР.

⁶ Проблема наркомании и наркобизнеса – возникает в 60–70 годы. Хотя употребляли и раньше – в Великобритании например, в XIX веке полстраны сидело на ланданиуме. Употребление марихуаны началось в США в 20-е ее ввозили из Тихуаны как замену запрещенному алкоголю. До того в США наркомания была только в среде китайцев, курящих опиум. Но массовое употребление началось в Сан-Франциско, находящемся почти на мексиканской границе и ставшем столицей движения хиппи. В Европу наркоманию принесли те же хиппи, а наркобизнес начался с того, что в 70-е было запрещено продавать наркотики в аптеках. До того зависимые вполне легально могли отовариваться в аптеках небольшими дозами, которые выписывали врачи.

⁷ Насвай – это табачная пыль с маслом и чем-то едким (известь, куриный помет), ее берут за губу и табак всасывается в кровь. Результат употребления – рак желудка, губы, пищевода, язва...

⁸ Промедол был на строгом учете, были случаи отправки в дисбат или под суд за употребление промедола.

⁹ Почему Грузия? Автор выделяет три причины 1. Очень высокий уровень жизни, позволяющий тратить деньги на наркотики. 2. В отличие от Средней Азии – старшие утратили контроль над молодежью, разрушилась община. В той же Киргизии выращивали опий, и рядом была Чуйская долина, но эпидемии наркомании не случилось. 3. Рядом Турция, в которой и сейчас легально выращивают большую часть опиума для мировой медицинской промышленности. Видимо, зараза попала оттуда. Грузия в 80-е была единственной советской республикой, где использованный шприц можно было найти даже в туалете ЦК Компартии. Употребляли милиционеры, комсомолы, рабочие...

Второй причиной было то, что в Вашингтоне вышел на связь источник, кодовое имя которого меняли каждые два месяца – он был настолько ценен, что его личное дело лежало в сейфе председателя КГБ. Он сообщил, что назначен руководителем группы по проверке информации и поиску крота. Но это не было главное – главным было то что по его данным высокопоставленный офицер Советской Армии в Западной группе войск в чине не ниже полковника – был предателем и уже много лет передавал на Запад совершенно секретную информацию...

СССР, Москва. Кремль. 20 февраля 1989 года

Председатель КГБ, бывший судья Верховного суда Азербайджана Гасанов не слишком то любил бывать в Кремле. Нервничал. Он не был пока даже кандидатом в члены Политбюро, что было необычным на фоне его предшественников – Юрий Андропов даже генеральным секретарем стать смог. Но он не стремился.

Черная Волга Председателя – он отказался от Чайки и ЗИЛа, пересев на черную 3102, которая только пошла в серию – не снижая скорости, пролетела ворота и тут же ушла в сторону. Председатель заметил новшество – прямо напротив въезда стоит замаскированный БРДМ.

Страхуется Гейдар...

Он, как и Председатель Президиума Верховного Совета – был из Азербайджана и знал цену силе. Недаром – Гейдара называли вторым Сталиным, а его – вторым Берией...

...

Назначено ему не было. Но в приемной знали, что председатель КГБ единственный, кого Гейдар принимает без записи и потому охранник проводил его в комнату отдыха, имеющую не один вход. Закрыв дверь, почти бесшумно удалился...

Алиев появился минут через десять, без пиджака, в одной рубашке – что было максимум вольности в одежде, какую он когда-либо себе позволял. Восточный человек, воспитанный в западной культуре, он был «большим католиком, чем Папа Римский». Носил только строгие европейские костюмы, говорил только по-русски, посещал только балет и оперу. Когда на день рождения ему попытались устроить концерт с участием Полада Бюль-Бюль Оглы, Муслима Магомаева и других азербайджанских исполнителей, он сказал – мне это не интересно.¹⁰

– Что случилось? – Алиев знал, что председатель КГБ просто так приезжать не будет.

Вместо ответа – Гасанов протянул копию агентурного сообщения, которое поступило только утром из Вашингтона.

– Атос, кто это? – спросил Алиев, пробегая глазами текст.

– Наш источник в Лэнгли

Истинное его имя знали всего несколько человек. Алиев узнав, запретил произносить его вслух даже среди посвященных в эту тайну.

Сообщение было не таким длинным, прочитав, Председатель Президиума бросил его на стол. Гасанов тут же аккуратно подобрал и убрал в карман.

– Час от часу не легче.

...

– Знаешь, кто?

– Пока нет. Я никому не давал указаний работать.

Алиев кивнул.

– Правильно. Но найти так или иначе надо. Офицер в звании не ниже полковника в штабе Западной Группы войск. Скотина...

– Скорее всего, это генерал – заметил Гасанов – по мнению Атоса он работает не меньше шести – семи лет. Если он и был полковником – его, вероятно, повысили в звании. Возможно, и два раза.

---

¹⁰ Копия слов Сталина. До войны как-то Василий Сталин сообщил сводному брату Артему Сергееву под большим секретом, что когда-то папа был грузином...

– А почему Атос до сих пор не сообщал?
– Вероятно, не знал.
– В его то должности?
– Всякое бывает...
– Найдешь? – испытующе посмотрел Алиев.
Гасанов остался невозмутим.
– Найти легче легкого. Либо сверим информацию. Либо Атос подскажет. Вопрос в другом – найдем и что делать?
– То есть?
– Суд, расстрел, даже отставка – верный способ навредить Атосу. Эти идиоты уже наворотили дел, реализовали всю информацию, какую дал Атос. Расстреляли Полякова, Кулака...
Алиев махнул рукой.
– Что сделано, то сделано.
– Если мы будем продолжать, потеряем Атоса.
Алиев ненавидел предателей – на Востоке ненавидят предателей особенно сильно, там это воспринимают как личное. Но он понимал, что Гасанов прав.
– И что делать?
– Выявить предателя. Оценить возможность передачи через него дезы. И – не трогать его, может даже повысить.
– Ну, это слишком
– Дать ему пост без доступа к особо секретной информации. Отправить преподавать в академию. Вариантов много...
...
– Либо еще один вариант. Наказать кого-то другого, сделать вид, что мы промахнулись
– Еще лучше. Караем невиновных, награждаем виновных.
– Такова жизнь.
...
– Атос назначен руководителем группы, которой поручено выявить источник утечки из Лэнгли¹¹. Это большой плюс для нас, но мы должны играть строго по нотам Атоса. Сохранение такого агента – высший приоритет для всего ПГУ. И еще. Судя по всему, американцы подозревают Гаса Хатауэя, специального помощника директора. Это вторая большая для нас удача – сломать хребет этой мрази, с ним у нас давние счеты. Если Атосу удастся свалить вину на него, предлагаю забыть об Атосе по крайней мере на два – три года. Американцы должны поверить, что источник утечки перекрыт.
– Почему Хатауэй? Где он сейчас?
– Он специальный помощник директора. До того был резидентом в Москве, потом руководителем Контртеррористического отдела. Работал по линии ликвидации Каддафи, обеспечивал удары по палестинским лагерям, вместе с МОССАД занимался программой обучения афганских моджахедов диверсионной борьбе¹². Стоит за программой отравления источников воды в Афганистане. Сейчас ушел на дно, на Востоке не появляется – мафаба¹³ ищет его, чтобы убить.

Алиеву не нравилось происходящее. Но и возразить он не мог

---

¹¹ Олдридж Эймс на тот момент был начальником внутренней контрразведки ЦРУ, по должности именно он должен был ловить предателей, сам при этом, будучи предателем. В общем, классика – а кто усторожит сторожей самих?

¹² Информация подлинная. Хэтэуей первым придумал повесить взрывчатку на беспилотник, этим он намеревался наносить удары по советским солдатам в Афганистане. Кстати, скорее всего, именно этот проект подсказал Осаме бен Ладену как устроить 9/11.

¹³ Разведслужба Муаммара Каддафи, специализирующаяся на поставках оружия и обучению революционеров (террористов). Исламский Коминтерн. Конечная цель мафабы – спровоцировать всеобщее восстание как минимум на Востоке.

– Найдите предателя – сказал он – как можно быстрее...

Дрезден. ГДР. 22 февраля 1989 года

Дом Дружбы народов был неофициальным местом встречи для самых разных лиц и одновременно базой для резидентуры КГБ. Там было оборудовано даже помещение для секретных переговоров с экранированием, для предотвращения прослушивания. А прослушивать было кому – Штази настойчиво интересовалось всеми делами советских. Видимо, ни ЦРУ ни МИ-6 и понятия не имели, сколь серьезны разногласия и сколь было велико недоверие между СССР и хонеккеровской ГДР к тому времени.

Басин тоже был там принят, в Доме дружбы и даже имел там свой кабинет, в котором почти не появлялся. Но сейчас – комендант провел его напрямик к комнате, которую Басин хорошо знал так как она была технически оснащена и регулярно проверялась на наличие прослушивающей аппаратуры.

В комнате ждали двое, один лет пятидесяти, второй помоложе. Без особых примет. По костюмам – и у того и у другого не в Москве пошиты, а фирма, у одного скорее всего даже Лондон, и по черным очкам, Басин понял – ПГУ, внешняя разведка.

– Полковник Басин, третья служба – представил его комендант Дома дружбы, низенький, невзрачный КГБшник с короткой, незапоминающейся фамилией

...

– А это товарищи из Москвы...

Повисло молчание

– Документики у товарищей из Москвы имеются?

Один из гостей, молодой, достал удостоверение со шитом и мечом, показал, не открывая

– Откройте...

Полковник Варенцов, ПГУ.

Липа...

– Ваше?

Советник не выдержал

– Не забываетесь, полковник

Басин только головой покачал

– Он прав – внезапно сказал первый – выйдите

...

– Можете быть свободны

Молодой ничего не сказав, встал и вышел

– Кто ваш руководитель?

– А ваш?

– Генерал Меджидов, верно?

...

– Кодовое слово – лимит.

Улыбка сошла с лица Басина – это слово никто не знал и знать не мог

– Как поживает товарищ генерал?

– Почками мучается, а так все хорошо. Еще проверять будете?

– Нет. Вы – мои сменщики?

– Нет. Мы по иному вопросу. У вас в разработке находится генерал Половцев, верно?

– Да, находится.

– Окраска?

– Наркотранзит.

Басин видел, что гость удивился – хотя постарался этого не показать.

– Почему именно эта?

– Есть основания предполагать.

Старший из москвичей прихлопнул ладонью по столу, как бы подводя промежуточный итог.

– Я вас понял, полковник. Вы свои карты не откроете, и мы не откроем вам свои. Но все оперативные мероприятия по Половцеву, какие ведутся – приказано прекратить. И немедленно. Вам показать распоряжение за подписью Председателя или вам и так достаточно?

Басин покачал головой

– Неожиданно.

– Как есть.

– Мне надо позвонить.

– Только по защищенной линии. И в нашем присутствии...

СССР, Ближнее Подмосковье. 25 февраля 1989 года

Сегодня судья Гасанов решил навестить стройку, которая шла на окраине Москвы в когда-то грибном перелеске. Стройка курировалась КГБ и называлась «объект АБЦ» – архивно-библиотечный центр. Формально тут действительно строили под разросшиеся архивы, но в перспективе, если выделят деньги, планировалось тут построить большой комплекс и переселить все Второе главное управление КГБ – как первое, в Ясенево. Пока еще не было ничего решено, с деньгами была напряженка в связи с кампанией – Совмин принял решение остановить все проекты и недострои на ранних стадиях и бросить все силы на достройку недостроенного – а потом уже и новое что-то возводить. Но эта стройка двигалась, и судья время от времени навещал ее. Будучи тонким знатоком темных сторон человеческой души, он не сомневался, что если не наведываться – начнут воровать. Даже здесь.

Выбираясь из своей Волги, судья поднял голову, улыбнулся солнечным лучам. Было солнечно, скоро – весна. Судья любил лето, но больше всего он любил весну. Наверное, даже раннюю, не позднюю. Когда тает снег, когда появляется из-под снега выпавшаяся за зиму земля, когда первые травинки, когда стремительно удлиняется день. Весна – это когда каждый день лучше, чем предыдущий просто так, по определению.

Хорошее время – весна...

Но и лето – неплохо.

Гасанов посмотрел в сторону строящегося центра – и увидел идущего навстречу генерала Виктора Герасимова.

...

Генерал Герасимов был одним из наиболее доверенных лиц даже не Председателя – а лично Алиева. Дело в том, что в КГБ принята ротация и молодым опером – Герасимов был направлен в Баку, где и проработал семь лет, прежде чем был направлен на повышение квалификации в Минскую школу КГБ и в Баку после нее уже не вернулся. Гасанов понимал, что Герасимов хорошо знает его подноготную и не столько помогает, сколько контролирует его – как Цвигун и Цинев контролировали Андропова от имени Брежнева. И Цвигун и Цинев кстати кончили плохо, но у Герасимова и Гасанова пока складывались рабочие, даже уважительные отношения. Гасанов ценил профессионализм Герасимова, а Герасимов понимал и ценил зловещие навыки и связи нового Председателя. В отличие от Андропова, интеллигента в кресле Председателя КГБ, у которого требовалось получать санкцию даже на то чтобы спойть кого-то¹⁴ – Гасанов никогда и ни перед чем не останавливался. Впервые со сталинских времен был воссоздан отдел ликвидации, и он не простаивал¹⁵. Сейчас Герасимов, возглавлявший непри-

---

¹⁴ Это правда. По воспоминаниям контрразведчиков – каждый раз, когда им надо было подпоить кого-то, кого они подозревали в предательстве – они шли за санкцией лично к Андропову (пьянка в рабочее время) и объясняли, что это надо и иначе никак.

¹⁵ Вопреки множеству книг и статей – отдел ликвидации, в котором работали такие, как Судоплатов и Майрановский – был ликвидирован при Хрущеве вместе с политическим решением отказаться от применения подобных методов. Ликвидаторы остались в ГРУ, были такие люди и в КГБ – но структуру специально под них не создавали.

метный сектор в секретариате Председателя, с несколькими крепкими оперативниками в личном подчинении, был ориентирован на немецкую тему.

– ... Половцева похоже спугнули.

– Как это стало возможным?

Герасимов покачал головой

– Накладка, совершенно неожиданная. Как оказалось, Половцев уже больше года в плотной оперативной разработке Третьего управления.

– Окраска?

– Наркотики.

Гасанов остановился

– Не понял...

– Оперативная группа, в основном прокурорские и спецотдел МВД – ведут работу по операции Дурман. Изначально ее целью было выявление источников поставок наркотических веществ из Афганистана в Союз. В ходе оперативной работы было установлено существование крупной, разветвленной сети наркопоставок, в которой замешаны и старшие офицеры Советской армии. Объем поставок по этой сети может исчисляться тоннами. В качестве транспорта используются военные борты, груз идет под видом погибших в закрытых цинковых гробах. Примерно год назад удалось установить, что, по крайней мере, часть поставок идет транзитом, из СССР в ГДР и там передается на границе в ФРГ и дальше в Западную Европу. Есть предположение, что эта сеть подконтрольна МАД – германской военной разведке.

Гасанов выругался

– Час от часу не легче. Откуда там немцы?

– Следовало ожидать. Немцы давно работают на всем Ближнем и Среднем Востоке, а Афганистан у них опорная страна на весь регион еще со времен Третьего Рейха. Они ведь Шамбалу искали, какие-то тайные знания, а так как Индия в то время была британской, оставался Афганистан, дальше они шли нелегально. В самом Афганистане они помогали создать полицию, там у короля Захир-шаха были и гражданские советники, туда перебралась резиденция абвера после того как мы и англичане заняли Иран в сорок первом. Гитлер там очень популярен, особенно в среде богатеев, до апрельской революции были такие, которые держали портреты Гитлера в кабинете, дома, читали Майн Кампф¹⁶. МАД и сейчас не составило бы никакого труда найти друзей в Афганистане.

...

– По нашим предположениям, в спецслужбах и армии ГДР есть сочувствующие нацизму, они нашли контракты и с неонацистами в Западной Германии и с неустойчивыми элементами в Советской армии. Конкретно Половцев видимо, завербован медовой ловушкой, зафиксированы его странные контакты с полковником Пиотровски, занимающимся «коммерческим сотрудничеством» от имени Штази.

– То есть?

– Все что угодно. Контрабанда в обе стороны. Захоронение опасных отходов. Угнанные в ФРГ машины всплывают уже не только в ФРГ – но и по всему Блоку. Пиотровски должен был доставать валюту для нужд Штази, и он достает – но это перешло все разумные рамки...

– Какое отношение имеет к этому Половцев?

– На него вышли через контакты с Пиотровски. Есть основания полагать, что он завербован, регулярно встречается с Пиотровски конфиденциально, на явочной квартире. Ни разу не подал рапорт о своих встречах. Супруга неблагополучная по родственникам, недавно задер-

---

¹⁶ Это правда. Восхищались Гитлером не только в Афганистане, поклонниками Гитлера были Анвар Садат, Саддам Хусейн, Пьер Жмаэль.

жана при незаконных валютных операциях. Теща работает в Березке в Ленинграде, так же подозревается в спекуляциях.

Гасанов задумался. Дело в том, что он был человеком с несколькими личинами. В одной он уважаемый юрист, судья, с отличием закончивший юридический в Бакинском университете. В другой он – потомок древнего рода ханов, издревле правящего Азербайджаном, В третьей – он лидер организованной преступности, теневого экономического подполья Азербайджана, не менее богатого чем грузинского. В четвертой – он председатель КГБ – потому что его попросили. Кто усторожит сторожей самих...

Но иногда такая вот многоликость может и помочь.

– Пока собирайте информацию. Но, ни до кого из фигурантов – пальцем не касаться! Особенно до Половцева.

– Есть.

– Ориентируй своих. Получается, он на немцев работает?

– Информации пока недостаточно, но та что есть, показывает, что – да.

Гасанов задумался. Не сходилось. По информации ПГУ – источник, который они искали – работает на американцев. Значит, либо Атос дал неполную или недостоверную информацию – что очень маловероятно. Либо ошибка в объекте – они случайно наткнулись на предателя, но не того о котором указал Атос.

– Работайте – сказал Гасанов и направился к своему Мерседесу

Ленинград, СССР. 26 февраля 1989 года

В каждом советском городе, более-менее крупном, было две власти. И это были не обком и облисполком. Это была советская власть – и антисоветская.

Советская власть распределяла, заставляла пахать, ходить на работу (но не работать! Именно ходить на работу), худо-бедно снабжала. И единственно чего у нее всегда было в достатке – это обещаний. Что будем жить лучше, что идем к коммунизму, что нас ждет светлое будущее. Люди кивали, расписывались в кассе за зарплату – и шли к другой власти. Антисоветской.

У антисоветской власти было всё, вопрос лишь в цене. Хочешь кроссовки или джинсы Ливайс – пожалуйста, но стоят они столько, сколько инженер за месяц зарабатывает. Хочешь мясо каждый день есть, дефицитные лекарства достать – заводи знакомства. Будь полезным – и будут полезны тебе. У каждого есть что-то ценное, кто-то на складе сидит, кто-то на услугах. И все это – вопреки тому, что советская власть делала и провозглашала.

Ну и всего остального у антисоветской власти – хватало. Пьянки, б..., наркотики. Антисоветская власть не воспитывала, она потворствовала. Хочешь – нальют. Хочешь – отсыпят. Плейбои и видеокассеты, которые впотаек смотрели отцы семейств. «Эммануэль», которую ставили и женам чтобы были в постели поизобретательнее. Это все – шажок за шажком – вело в трясины, в которой погибли тысячи и десятки тысяч. Но люди шли.

Человеком быть намного сложнее, чем подонком.

Но судья не принадлежал к этому миру. Судья Гасанов с детства знал, кем он будет и чем он будет. Дед был важным человеком, отец дослужился до министра. Квартира в новом «министерском доме» с внутренним закрытым двором, где постоянно дежурит милиция, дача в Загульбе, еще одна – дальше, в родном районе, где их семью почитали как царей, потому что она там правила с шестнадцатого века, и советская власть ничего не изменила. В его родном городе на юридический факультет местного университета был самый большой конкурс, потому что право и править – слова однокоренные. Там учились те, кто будет править народом, и все это знали.

А что касается всего остального... овощи и фрукты, половина которых идет налево и в северных городах продается за десять цен. Ковры – каждая советская семья хотела иметь хороший ковер, это было признаком советской буржуазности, дорогой ковер на стене, а у неко-

торых еще в рулонах в каждом углу стояли. Поделия местной легкой, текстильной, пищевой промышленности. В Азербайджане в основном делали то, что надо людям – а не армии...

...

*А меня зовут Мирза,
Работать мне нельзя
Пусть работает Иван,
Первытопняет план...*

...

Судья был один из тех, кто сидел на самом верху. Сам он не торговал. Отмазывал. Получал. Передавал наверх. Принимал подарки.

Как отмазывал? В СССР при хищении от десяти тысяч – вплоть до смертной казни. Но если позвонят – входили в положение. Давали восемь, десять лет. Потом на УДО или по болезни. За это тоже платили...

Так – он имел имя в этом черном царстве, его знали во всех крупных городах, он мог задать вопрос – и ему бы ответили, по-чести, не так как милиции или прокуратуре. Откуда там честь? Э... там есть и честь, и верность и слово... все там есть. Возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке... по тому миру легенды ходили, как друг друга выручали. Пришла внеплановая ревизия, недостача под полмиллиона – но если у тебя есть имя, тебя выручат, под честное слово, хоть машину, хоть вагон товара перекинут. Свой некролог есть – те, кто попался, сгнил в лагерях или был расстрелян по хозяйственной статье. Озверевшее государство вело войну с подкапывавшей его со всех сторон армией воров – и проигрывало, но и жертв – хватало. С обеих сторон – были и менты и следаки, которые тронули не того, и оказались в Нижнем Тагиле, в больнице с инфарктом а то и в морге, в раздавленной выскочившим на встречу грузовиком служебке...

Все было...

Приехавшего в Ленинград судью встречали сотрудники местного УКГБ, Большого дома. Подогнали Татру – судья поморщился, с детства понимая, что он потомок правителей, а не крестьян, он предпочитал скромность и незаметность. В машине ему начали докладывать по текущим делам – иностранцы, которых в Ленинграде полно, оперативные игры, американское консульство. Судья слушал – но мысли его были совсем об ином...

...

С гостем – судья говорил в гостинице Интурист, где сняли номер, там был буфет – но они попросили организовать стол в номере. Включил скэллер – устройство для предотвращения подслушивания, ему привезли из Англии.

Его контрагент – лысый, одетый с иголочки в Париже, с огромной сумкой, полной всяческих деликатесов, которые не то что рабочему классу, но и директорскому корпусу не положены (а армии воров положены) – тщательно скрывал замешательство и страх. Он был как минимум полковником, а то и генералом невидимой армии воров, объедавшей страну как саранча – хотя занимал скромный пост замдиректора торгового, и документы подписывал, обводя вырезанную в металле подпись. Десятка – десять тысяч, минимальный размер, за которым за хищения можно получить расстрел – он воровал примерно за неделю. Точнее воровали для него – его ученики, которых он нашел, поднял, выпестовал, и которые теперь воровали не покладая рук. В системе высшая ступень – когда воруешь не ты, когда с тобой делятся наворованным. Все ведь начинается с малого. Продажа товара из-под прилавка. Обмер – обвес. Ростовский разруб – это когда в один кусок попадает мясо разных ценовых категорий, но продается все по высокой. Каждая торговая точка, от ларька с пирожками, до крупного магазина – в день обворовывает покупателей от нескольких десятков – до тысячи и более рублей. Меньше всего получают продавцы – они зато таскают списанное, покупают по госцене и друзьям с заднего хода продают. Затем директор, который большую часть отправляет наверх – иначе обде-

лят товарами. Наверху это уже миллионы. А ведь это самое простое – продукты. Есть комиссии. Есть Березки. Есть сфера услуг, где свои темы – от шитья джинсов в рабочее время до воровства дубленок сданных в химчистку – потом перепродать, а государство заплатит за потерянное.

Всяк по своему деньги выкруживает.

Контрагент знал, что судья Гасанов – один из системы, один из теневых хозяев Азербайджана, один из лидеров всего закавказского клана, именно ему заносили, и не тысячами, а десятками и сотнями, чтобы проворовавшихся хозяйственников не расстреливали, а давали пять... семь... десять. Но теперь он взлетел со своим покровителем Гейдаром Алиевым на один из высших постов в стране – и как к нему прикажете относиться? Как относиться, если он всю эту бесчисленную воровскую рать видит насквозь и знает наперечет. Ему и расследовать в случае чего не надо – он знает. А КГБ – контора зубастая...

Но похоже, новые хозяева Кремля решили поиграть в либерализм, начали отпускать вожжи. И когда Гасанов попросил о встрече – лысый не пошел а побежал. Собрал огромную сумку деликатесов – пригнали из соседнего Хельсинки, из Калинки-Штокманн. И вот, суетится, панибратствует, а лысина вся в поту...

– Ну... вот. Что Бог послал, как говорится. Присаживайся, угощайся

Судья сел на предложенное место.

– Коньяк будешь?

Гасанов презрительно посмотрел на бутылку дорожущего «Курвуазье».

– Витя. Кто пьет коньяк с самого утра...

– Тот поступает мудро...

Вместо ответа – Гасанов достал бутылку «Девичьей башни», со стуком поставил на стол.

– Ваше... я и не знал, что у вас в республике вино есть.

– У нас все есть...

Замдиректора – убрал бокалы, поставил другие, для вина.

– Сухое?

– Полусладкое. У нас виноград особый, сухое из него не сделать. Сахара много.

– Давай, попробуем...

Бордовая струя полилась по бокалам...

– А неплохо... неплохо. Как говоришь, называется

– Девичья башня

– Надо закупить...

– В Гяндже делают.

– Запомню... а ты чего меня нашел, дорогой товарищ? Тебе сейчас место в Смольном...

– Ленин из меня плохой... пока.

– Пока...

Замдиректора торгового дома смотрел на по-свойски зашедшего к нему Председателя КГБ и с ужасом понимал – нет, он не шутит. Дай им волю – они и место Ленина займут.

– Торговая дама меня интересуется. Очень. Ты ее не можешь не знать.

– Кто?

– Злата Иосифовна. Чудкихис.

Замдиректора торгового дома не показал никаких эмоций. Но судья понял, что ему есть, что о ней рассказать...

– Человек известный, так?

– Известный. А ты, прости, почему своих не спросишь... костоломов

Гасанов наклонился вперед, выражение лица его стало жестким и злым

– Потому что я спрашиваю тебя!

...

– Чтобы ты понимал, на свой расстрел ты уже наворовал. Как и вы все. И не думай что там – он показал наверх – этого не понимают. Но почему не расстреливают. Дают вам дышать, хотя все схемы ваши – на поверхности.

Замдиректора торгова взвесил все за и против и решил лучше не шутить.

– Для начала – она такая же Чудкихис как я Шнеерсон

– А откуда фамилия?

– По второму мужу.

– Второму?

– Ага. Грузчик в магазине, в ее торговле

Судья не удивился. Просто покривился презрительно

– Дальше?

– Она не отсюда. Из Вильнюса, все связи у нее там. Еще довоенные. Ее отец был деловым. Помогал деньги менять, через границу гоняли товар.

– Жив? Отец

– Не торопи. Когда наши зашли туда в сороковом, его поначалу арестовали. А потом оп – стоц, и он уже начальник снабжения какого-то полка. С медалями

– Жив, спрашиваю?

– Нет. Умер. Но доча закончила торговый. Был тут такой Зеленый...

– Кто?

– Зелексон Владимир Иванович. Вот он молоденькой продавщице путевку в жизнь и дал.

...

– Потом Зелексон умер, но она к тому времени сама оперилась. Работала в мебельторге, через нее можно было достать любой гарнитур. Потом перешла в Березку. Там в бухгалтерии, но по факту – рулит многим.

– Дорого дала?

– По таксе. Даже меньше. Ее уважают.

– Горела?

– Не родился еще тот ОБХССник...

Судья задумался

– Говорят, вроде ее доча от какого-то то ли графа, то ли князя

Замдиректора торгова хохотнул

– Ага, как же. Разве что от цыганского.

...

– Там в Вильно, куда не плюнь – то граф то князь. Местечко бывшее

– Она и сейчас в деле?

– Само собой

– Чеки, валюта?

– Они самые. И все остальное.

– И какой масштаб?

– Ну, скажем так, Злату Иосифовну не обойти, не объехать. Конкретики по ней никто не знает, но если брать Ленинград, то она по оборотам... ну наверное в первой пятерке. Если ее раскулачивать – не один садик детский можно построить на изъятие.

Судья задумался

– А отъезжающим она не помогает?

– В каком смысле?

– Ну там... с провозом, с обустройством.

– Чего не слышал...

– Про доча что слышно?

– Златы Иосифовны доча? Вышла за генерала, где-то в загранке... пристроилась.

– Она к делам имеет отношение?

– Березки? Нет...

...

– Ну если только краями. Генерал ее слышал, большим человеком стал, служит – там.

А там свои расклады...

Гасанов посмотрел на часы

– Засиделись мы. Ты вон как вспотел. Еще вопрос – Злата как то связана с наркомафией?

Замдиректора начал креститься несмотря на то что был евреем

– Наркотик. Упаси Бог. Зачем ей, тут этим никто не балуется...

– Ну... денег говорят, много приносит. Больше чем ваши гешефты

– Там не деньги, там могила. Раньше это врачей тема была, морфий воровали да продавали. А теперь там – уголовники, отморозки, им человека на ножи поднять – как плюнуть. У Паустовских сын подсел – всю квартиру вынес и продал, мать на коленях стояла.

...

– Нелюдское это дело.

Судья поднялся со своего места

– Забудь.

– Что?

– Всё. Пока не попрошу вспомнить

Дрезден. ГДР. 26 февраля 1989 года

Басин не знал, что делать, Он не мог не подчиниться – но и подчиниться тоже не мог.

Про наркомафию, использующую возможности Советской армии – Басин узнал совершенно случайно. Он был полковым особистом в Афганистане и расследовал гибель молодого, многообещающего офицера. Считалось, что его отравили моджахеды, хотя как – было непонятно. Тогда еще не знали понятия «передозировка», сам Басин когда учился, их учили выявлять предателей и неблагонадежный элемент, а не наркоманов – про наркоманов и речи не было. Обмолвились, что отдельные солдаты могут использовать промедол из аптечки, что раненые могут привыкать к обезболивающим – но самого слова «наркоман» никто не знал.

Он заметил странный след от укола, не поверил что это след от укола при попытке реанимации – и в конце концов выяснил, что молодой офицер попробовал наркотик, но не рассчитал дозу. И что он не один такой, и что начмед полка – связан с поставками наркотиков. Тогда его впервые пытались убить, причем стрелял в него ефрейтор, который был комсоргом роты. И – стал наркоманом в Афганистане.

Тогда он понял, какую опасность несут в себе наркотики. Тот, кто принимает наркотики – потенциальный предатель, с ним бесполезно беседовать, бесполезно как-то наказывать, ради дозы наркотика он пойдет на всё. И это знают и моджахеды, вот почему у пункта временной дислокации трется всякая шваль, у которой можно купить...

Тогда дело замяли, но потом, как пришла новая власть и стали наводить порядок – смертельно опасные дела открыли вновь. И Басин отправился на противоположный конец света – в ГДР, так как согласно показаниям, значительная часть наркотиков поступает сюда.

О том, что такое наркотики – он уже знал. Знал даже то, сколько стоит доза и какую прибыль получают наркотранзитеры – речь идет о десяти, двадцати рублях на один вложенный. Знал он и то что наркомафия имеет покровителей на самом верху, что совсем недавно был расстрелян инструктор ЦК у которого дома был обнаружен миллион долларов наличными¹⁷. Он прекрасно понимал, как удобна для мафии армейская система исполнения приказов – и потому не мог не подозревать, что приказ о свертывании оперативной работы по Половцеву

---

¹⁷ Это действительно было, правда, в реальности приговор был мягче. Этот инструктор ЦК имел право выдавать специальные документы, по которым грузы шли через таможню без проверки.

инспирирован наркомафией. Не исполнить его он не мог – но для него борьба эта была не просто работой. Теперь для него это был уже смысл существования...

...

– Приказано... свернуть всю работу. Агентурную в том числе...

Николай был достаточно проницателен, чтобы понимать – что-то не так. И потому он молчал и ждал, что еще скажет куратор

– Ты не расшифрован, потому вывести тебя можно просто. Через какое-то время напишешь рапорт о переводе на другое место службы, его подпишут – и всё. О твоей работе на контрразведку никто не узнает.

...

– Почему было принято такое решение?

Басин отпил пива, скривился

– Такие вопросы лучше не задавать. Принято – значит принято, и вопросов лучше не задавать. А сам как считаешь, Половцев виновен в чем-то? Надо его дальше проверять?

Николай кивнул

– С ним что-то не так. Сам не знаю... да вы же видели.

– Видел.

...

– Видеть то видел.

...

– Готов работать один? Совсем один, без прикрытия, без связи, в автономке?

Николай подумал... стоит ли? Но потом вспомнил – Афган... караван... тот порошок который они высыпали в реку.

Допрос... это ведь все не случайно.

– Готов.

Басин достал лист бумаги, ручку

– Пиши.

– Что писать?

– Расписку о прекращении сотрудничества, я продиктую. Это на случай если возникнут вопросы к тебе или ко мне. Приказ мы выполнили...

...

– Аслана не будет. Я попробую задержаться, но кто знает. На случай... запоминай номер Басин медленно продиктовал номер – дважды

– Номер в Москве. Человек на том конце – свой, но помочь он не сможет только примет информацию.

Через какое-то время. Польская народная республика. 06 марта 1989 года

Вся эта история с охотой – с самого начала не нравилась Николаю.

Почему сейчас? Почему ее вдруг перенесли в Польшу? Ведь изначально собирались здесь, в ГДР. Почему в такой спешке?

Тем не менее, приказ есть приказ. Целый день он потратил на то чтобы отстрелять на полигоне имеющиеся СВД и отобрать лучшие. Выехать и доложить о происходящем или просто позвонить – не было никакой возможности.

Генерал приказал почему то отобрать восемь винтовок – намного больше, чем нужно. Делать нечего, приказ есть приказ, пришлось отбирать. Хорошо что – в ЗГВ пришла как раз партия новых винтовок на опытную эксплуатацию в войсках. Образец 82-го года – более тяжелый, короткий ствол и вся фурнитура – не из дерева, а из черного реактопласта¹⁸. Они были

---

¹⁸ Реальный образец, разработан Драгуновым в начале 80-х. Армия не пошла на перевооружение, но его потом снабдили складным прикладом и получилась СВДС – для десанта. На самом деле – винтовку Драгунова не модернизировали потому

полусекретные, но они были короче и легче, и самое главное – только пришли, стволы совсем не изношены. Были еще спортивные винтовки МЦ, но они весили восемь килограммов – не набегаешься с ними.

Перед тем как ехать на аэродром – поехали на склад и взяли там алкогольный паек – был такой. Гена, шофер командующего – подмигнул и выписал на ящик больше – пригодится. Того чего в алкогольном пайке не было – местных настоек на травах, например – докупили в Деликате.

Понятно, что ничего хорошего в этом не было – пьянка при оружии – но кто он такой чтобы даже заикаться об этом? А водки взяли много, четыре ящика – залейся.

На военном аэродроме их встречал Ан-12. Он летел в Советский союз и должен был по пути оставить их в Польше.

Ан-12 – самолет с негерметичным отсеком, на высоте в нем холодно. Николай летал на нем наверное раз сто – в учебке были только такие, с Ил-76 первый раз они уже в войсках прыгнули, да и в Афгане в основном были Ан-12. Но ему этот холод был привычен, а вот те кто полетел – начали греться. Как – догадайтесь?

...

Долетели нормально – хотя чуйка не отпускала Николая, сулила неприятности. Сели на каком-то военном польском аэродроме. Там уже были и другие самолеты – союзников по Варшавскому договору...

Было не менее пяти стран – Чехословакия, Венгрия, Румыния, ГДР и они то есть Советский союз. Место, где они собирались охотиться было холмистым, холмы были покрыты сплошной растительностью и высились над местностью подобно часовым, что выглядело и знакомо и жутковато. На границе с Пакистаном были такие места, оттуда развозили дрова по всему югу и центру Афганистана. Но там снега было намного меньше, и растительность на склонах не была такой густой, все просвечивалось солнцем. Здесь же – дорога то ныряла вниз, то так же резко уходила вверх, почти к небесам. Движки ревели на пониженных передачах.

После разгрузки на аэродроме и почти часа езды – они прибыли на место, которое судя по подъемникам и широким просекам –использовалось как горнолыжный курорт, но сейчас пустовало. Начали разгрузку. Николай примечал, что почему то все делегации, кроме их – прибыли налегке, только они прибыли на транспортном самолете, да еще и с винтовками.

Разместились в деревянных отдельных домиках, помимо этого был административный корпус с залом. Вечером – местный фольклорный коллектив дал концерт, Николай заметил, что поляки и румыны – после концерта активно знакомились с хористками, генерал Половцев сразу после концерта ни слова не говоря ушел спать, вид у него был недовольным.

...

Утром, под звуки охотничьего рожка собрались на охоту, причем все кроме поляков – были с советским, привезенным оружием, что было вообще то нарушением. Но понятно, на это закрывали глаза...

Охота – подтвердила опасения и подозрения Николая. Он не был опытным охотником, но понимал, что вряд ли зверь будет жить там, где пусть и на сезон – но скапливается так много людей и так шумно. Вдобавок – из-за плотного леса и очень холмистой местности – крупный зверь не стал бы здесь жить, выбрал бы себе более благоприятные условия. Они честно мыкались по лесу почти целый день, и вернулись на базу под вечер – уставшие, промокшие, замерзшие и без единого трофея. Но при этом почему то никто не выглядел особо расстроенным.

После ужина генерал бросил – до утра свободен – и пошел в домик.

Проснувшись через два часа, Николай понял, что генерала в домике – нет

Конспирация у этих заговорщиков – в чем бы заговор не заключался – была хреновой. Понять где они было несложно – в темноте горели окна главного корпуса, пусть и прикрытые занавесями. Охранялся главный корпус скверно – на входе стояли поляки, обхода территории не было. Вскрабавшись по пожарной лестнице на крышу, Николай подобрался к самому краю, прислушался – умению слушать научил его японский сенсей, умению отключать все звуки кроме нужных...

Говорили по-русски. Голоса были слышны почти отчетливо

– Ты не прав, товарищ Вальтер. Отдельные негативные явления, такие как коррупция – конечно же есть, даже Ленин не обещал, что их не будет. Увы, мы обречены на долгую, в поколениях борьбу с наследием капиталистического прошлого

– Вы не понимаете – он узнал голос германского генерала, он был выше остальных и какой-то напряженный – это отговорки. Про наследие капитализма можно было бы говорить, если бы речь шла о капиталистах, используемых нами на ответственных государственных постах или их детях. Тогда можно говорить о каком-то наследии. Проанализируйте происхождение пойманных взяточников – оно почти всегда либо крестьянское, либо пролетарское. Как, в какой момент они перешли на сторону наших врагов? В чем заключается изъян? Точно не в происхождении – оно у них безупречно. В воспитании? Я не знаю ни одной школы и даже ни одной семьи, где молодых учили бы воровать и брать взятки. Значит, что-то происходит с ними уже во взрослом возрасте, что они выбиваются из рядов и становятся червоточинами, и даже не червоточинами – а настоящими червями. И мы должны признать это, а не отговариваться наследием прошлого. Слишком много времени прошло, и даже наследие прошлого – опять таки недоработки нашего воспитания.

– Может, управляющие работники должны получать выше заработную плату

– Какая бы заработная плата не была, украсть получится все равно больше! Это не вопрос мелких, частных недостатков, это принципиальный вопрос.

– Товарищ Вальтер прав – теперь Николай узнал голос своего генерала – ускоренными темпами идет моральное разложение всего общества, происхождение теперь уже не имеет никакого значения. Дети крестьян и рабочих могут быть рабами наживы точно так же как дети министров. Мы должны это признать и поставить следующие вопросы.

...

– Вопрос первый. Как могли наши партии допустить такое состояние дел, и что послужило этому причиной. Либо изъяны теории, либо изъяны практики. А точнее – практиков, людей применяющих эту теорию.

...

– И второй. Что мы, военные, должны в связи с этим предпринять.

– Что ты предлагаешь? – незнакомый голос

– Я пока ничего не предлагаю. Но не надо быть великим теоретиком марксизма – ленинизма, чтобы спрогнозировать, что произойдет, если мы не предпримем ничего. Если мы будем просто молчать, делать под козырек и молчать.

...

– Рано или поздно – воспитается поколение – а оно уже воспитывается – для которого деньги заменят все. Честь, любовь к Родине – абсолютно всё. Это поколение будет в принципе не способно к службе, так как служба предполагает отдачу долга Родине, и если потребуются – не щадя собственной жизни. Это же поколение предпочтет при первых неприятностях жизнь свою спасать. В том числе и ценой проигрыша – боя, сражения, может быть войны.

– А ты не преувеличиваешь, товарищ Николай? У вас у власти теперь сторонники жесткой линии...

– Ничуть!

...

– Я бы посоветовал всем прочесть, что югославский мыслитель Джилас говорит о технократах. Это люди, которые во имя нормальной работы экономики готовы на все, включая и жертвовать революционными принципами. Нельзя сказать что эти люди так уж неправы – мы живем в мире, где проигрыш капиталистическим странам в технике может привести и рано или поздно приведет к военному поражению. Но я бы задумался о том, что проигрыш может произойти и если при самой современной технике его будет распоряжаться трус, для которого высшей ценностью будут деньги и собственная жизнь...

...

Половцев вернулся примерно в два часа ночи. Их деревянное бунгало было простым – две комнаты и коридор по центру. Постоял в коридоре, но комнату Николая проверять не стал. Зашел в свою...

...

Утром они позавтракали и поехали в охотничье хозяйство, по-видимому – на настоящую охоту.

План охоты был такой – с подхода, из-под собак. Можно так или нет – Николай не знал. Но подозревал, что и правила охоты – они нарушают.

Место, куда они приехали – было где-то получасе езды от закрытого горнолыжного курорта, более точно он установить не смог. Здесь было намного ровнее. Невысокие холмы, поросшие лесом, полянки, кое-где лесосеки – но старые. Снега пока еще много, хотя весь он водой пропитан. Места глухие, он и не знал, что такие вообще бывают в Европе...

Подожел егерь, выстроил всех в цепь. Винтовку Николай повесил за спину, потому что стрелять не собирался. Просто шел в цепи, присматривал за генералом. Впервые он наткнулся на что-то похожее на заговор. Хотя смысла его он решительно не понимал. Подобная болтовня – могла закончиться пенсией или тем что задвинут при присвоении звания, но и только.

Тем временем – то ли болгары, то ли румыны – начали громко перекрикиваться в лесу на своем языке и Николай тоскливо подумал – хрен мы что сегодня наохотим. Это не охота, а полное дерьмо. Интересно, кто только придумал такое...

Идти было легко, не так как вчера – но это потому, что после Афганистана любой лес – как прогулка. По крайней мере, тут нет пыли и легко дышать...

Тем временем, тональность лая собак впереди изменилась – теперь они лаяли зло, с подвывом и подвывом. Неужели – нашелся какой-то зверь, который еще не услышал этих придурков и не сбежал?

Отрывисто грохнул выстрел.

Николай вопросительно посмотрел на генерала, тот кивнул – пошли, посмотрим...

...

Они подошли – как раз тогда, когда польский генерал шумно принимал поздравления. Егеря отгоняли собак, Николаю бросилось в глаза – Вепрь, которого пристрелили – не был свободен. Он был привязан за ногу к дереву, рвался на волю – вон, вся земля изрыта¹⁹

Поверить невозможно. И это охота?

...

Егеря были плохие, дисциплину они не поддерживали, и после еще пары так же привязанных и подстреленных кабанов – последовал отдых на полянке, на которой оказалось что-то вроде шатра. Горел костер, было свежеподжаренное мясо и было спиртное. Это при том, что охота не кончилась. Рядом с Николаем расположился русскоговорящий румын – живчик из делегации, и после первых же минут знакомства, Николай понял что тот почему то задался целью его напоить.

---

¹⁹ Надо сказать, что Брежнев охотился честно, никак не по привязанной свинье. Понятно что была прикормка – но она во всех охотоведческих хозяйствах бывает. А стрелял Брежнев мастерски.

Цель конечно благородная. Да только Николай вырос в семье дипломата, а умение пить не напиваясь, одно из профессиональных умений любого дипломата. Умел он и понемногу отливать из стакана...

После третьего – он поднялся, пьяно шатаясь. За генеральским столом кое-кого не было...

– Шас приду... немножечко только...

Николай шагнул в лес и растворился в нем...

...

Подмосковный лес, много лет назад.

Лето, лето раннее, долгожданное. Свежая зелень, еще небольшие лопухи, счастливое пенье птиц, переживших зиму и холода. Трава по колено, в этом году весна ранняя была. В ложку задорно журчит небольшой ручей...

Господин Секу Асегуру, технический работник посольства Японии в Москве сейчас не похож на себя самого. Прежде всего – еще, когда выходили из машины, он снял обувь, оставил ее в машине. Трое мальчишек – двое японцев и европеец – сняли обувь, но остались в носках. Впрочем, господин Асегуру заставляет их для тренировки ходить по гальке.

Сам он может ходить по стеклу.

– Этот лес – наконец говорит он – лучший лес из всех, какие я видел в жизни. Этот лес щедрый он даст укрытие, даст пищу, поможет сделать оружие – здесь есть из чего.

...

– Лес надо уметь слышать. И слушать.

...

– Вы должны уметь сливаться с любой природой, быть ее частью. Не производить ни малейшего шума. Посмотрите...

Господин Секу Асегуру снимает с травы божью коровку

– Разве мы слышим, как она передвигается?

– Нет, учитель – говорит европеец

– Правильно. Потому что она часть природы. Точно так же должны уметь и вы.

Господин Секу Асегуру надевает на голову черный колпак без прорези, поворачивается несколько раз и садится на землю.

– Приблизьтесь ко мне – говорит он – приблизьтесь и коснитесь меня. Но я не должен слышать вас, не должен слышать ваши шаги. Лучше, если я вас не поймаю.

Мальчишки переглядываются. Европеец понимает японский и официально – он сейчас и учит японский язык. Его родители рады, что при японском посольстве нашелся учитель для их сына – знание сложного японского языка открывает дорогу в МИМО с перспективой назначения в одно из самых лучших советских посольств – посольство в Японии. Попасть в Японию хотя бы на год – мечта любого дипработника

Жестами распределив обязанности – один должен нарочно шуметь но так чтобы сенсей не поймал – мальчишки начинают сжимать кольцо...

...

В лесу народу хватало, охота, как никак, несколько генералов с самых разных стран – потому Николай едва отойдя от стола почувствовав присутствие человека, неладное не заподозрил. И только когда он почувствовал движение, прямо за спиной – и только тогда прыгнул в сторону, разворачиваясь к угрозе...

А угроза была.

Человек который на него нападал, был в обычном охотничьем костюме, в каком тут были все. Правда, он почти один в один повторял полевую форму СС. На голове у него была маска, но не обычная, черная – а из сетки, что придавало его виду какой-то inferнальный оттенок.

Он попытался выполнить классическое «снятие часового» – но «часовой» оказался ловчее, чем он думал – и через секунду они оказались лицом к лицу. Перехватив нож, убийца попытался выполнить повторную атаку – не разрывая дистанцию и пытаясь «решить проблему» как можно скорее. Это было ошибкой – Николай чуть отклонился, пропустил нож мимо себя, зафиксировал – и нанес ответный удар. Противник захрипел и начал валиться на землю... пришлось выпустить руку с ножом...

Осмотревшись, он понял, что нападавший был один. Он не двигался, пульса не было...

Черт...

Запоздалая мысль – надо было брать живым. Сработал инстинкт – в Афганистане, где полно было духов и прочей мрази, желающей поиграться с ножом – они живых не оставляли. Он ударил инстинктивно, не сдерживая силу...

Черт, плохо.

Наскоро обыскал. Ни денег ни документов – в кармане только складной нож для снятия шкуры, а может и еще для чего, и пистолет. Пистолет не наш, германский Вальтер-ППК.

Еще раз проверил пульс – действительно мертв. Подобрал нож, с которым нападавший напал, завернул, чтобы следы остались. Потом взвалив убитого на плечо, пошел к охотничьему лагерю. Никаких сомнений в том, что старшие увидят и разберутся в произошедшем у него не было...

В конце концов, НАТО тоже никуда не девалось, и они могли вполне прислать диверсанта.

И тут он услышал вдалеке голос генерала Половцева.

По тону, он понял, что разговор идет на повышенных тонах.

Что происходит?

Положив труп на землю, он решил подобраться поближе и послушать. Только тут ему пришло в голову, что нападение на него может быть и не случайным...

...

– Если начнем сейчас, потеряем всё. Военное положение – это безумие

Это был голос генерала Половцева

– Останавливаться поздно.

Николай сделал еще несколько осторожных шагов – и наконец нашел то место, с которого просматривалась поляна.

Половцев стоял к нему спиной, он узнал его по фигуре и по костюму. Напротив него стоял венгерский офицер, имя которого он не запомнил по причине сложности и офицер из ГДР, которого он впервые увидел на аэродроме.

– В таком случае я выхожу из игры.

– Никогда не думал что русские трусы... – подал голос немец

Николай не понимал, о чем он говорит – но тональность разговора была таковой, что он потянул на себя СВД, висевшую за спиной

И – не успел...

Первым выстрелил венгр, от пояса, не поднимая руку с пистолетом. Он успел выстрелить дважды – а третий не успел, винтовочная пуля отбросила его на землю. Немец странно присел на месте, рукой с пистолетом ища цель и что-то крича... вторая пуля опрокинула и его...

...

В Афганистане времени на раздумья нет, решения принимаешь мгновенно. И еще одному важному качеству учит Афганистан – не верить ни своим, ни чужим. Сколько было случаев бунта в частях АНА? Сколько предателей работало на моджахедов, и были выявлены предатели даже среди офицеров СА²⁰.

---

²⁰ Про это не вспоминают, но у моджахедов была агентура и среди советских офицеров. Э. Абдуллаев упоминает про

Половцев был ранен, причем настолько серьезно, что шанса ему помочь не было. Николай вытащил его с той поляны, подгоняемый криками «охотников», оказавшихся убийцами – но когда он попытался оказать первую помощь, генерал уже умер. Умер, унеся с собой в могилу все свои тайны и все что теперь у него было – обрывки подслушанных разговоров, мертвый советский генерал и убитые им же военные – стран членов ОВД. И он понимал, что его объяснениям – вряд ли кто-то поверит. Он бы сам наверное, не поверил.

Времени хоронить Половцева не было. Он прекрасно понимал, что поступает не по уставу, оставляя тело... врагам, а кому же еще. Но и выхода у него не было – ему надо было уйти, выжить, дойти, предупредить. Хоть кого-то.

...

В свою очередь – заговорщикам тоже было не по себе, они понимали, что подставились, что гибель советского офицера такого ранга будут расследовать, и что время ускоряет свой ход. Им надо успеть...

Самыми активными были двое – полковник Станислав Полянский и генерал пограничной охраны Болгарии Эмиль Боев. Последний командовал наиболее подготовленными в военном отношении частями Болгарии, тем более что традиционно они относились не к армии, а к госбезопасности. Два его адъютанта были опытными следопытами и охотниками, испытанными в горах у турецкой границы, где спокойно не было никогда.

Сейчас вместе с Полянским был подполковник Петелицкий²¹ из особой группы, занимавшейся безопасностью посольств. Он не был в курсе дела, потому с ним требовалась осторожность...

– Но почему не привлечь народную милицию, пан полковник?

Полянский поцокал языком.

– Не все так просто. Этот русский хорошо вооружен, народная милиция не сможет его остановить. Он убил своего командира, это произошло на польской земле – позор!

...

– Милицию мы обязательно привлечем, но позже. Ваша задача – быть в постоянной готовности. Если мы сумеем установить, где он находится, брать его придется вам. Это задача не для слабаков, он убил уже несколько человек. А до того он служил в Афганистане, где видимо и сошел с ума.

Петелицкий усмехнулся.

– Мы будем осторожны.

– С Богом, подполковник...

...

Отправив Петелицкого – полковник Полянский подошел к грузовику. Около него, оба адъютанта Боева делали странные вещи – разбирая толстую газету, они обматывались ее листами под формой, на голое тело.

– Что это они делают

– Готовятся – сказал Боев – это старый прием. В обычной одежде нельзя ночевать на земле и сидеть долго на земле нельзя, а если так – то можно. Тепло сохраняет...

– Дороги перекрыты, сейчас милиция выставляет посты...

– Это все лишнее. Василь и Бойко выследят его по следам.

– Он не просто водитель. Служил в Афганистане, а там война.

расстрел двух советских офицеров, работавших в МО Афганистана и оказавшихся предателями.

²¹ Это Славомир Петелицкий, в реальности основатель «Войсковой единицы ГРОМ», которая считается лучшим подразделением спецназа стран Восточной Европы. ГРОМ старше, чем считается, его предшественником можно считать сформированную Петелицким оперативную группу для защиты аэропорта Варшавы и польских посольств на Ближнем Востоке. Как известно, через Польшу шла эмиграция советских евреев – и террористы выступали с угрозами совершить теракт в варшавском аэропорту или похитить польских дипломатов из мести.

– Василь и Бойко на войне уже двадцать лет. У нас на границах всегда война.
Полковник Полянский нервно вытряхнул из пачки сигарету.
– Как знаете...

Польская народная республика. 07 марта 1989 года

В спецназе их для этого и учили.

Советский спецназ был создан для охоты на «Першинги» – пусковые установки средней дальности с ядерными боевыми частями, какие американцы держали в Европе как оружие сдерживания и при необходимости – мгновенного удара. Ответом на «Першинги» стал спецназ – в угрожаемый период он должен был рассредоточиться в капстранах, прежде всего в ФРГ и начать охоту на «Першинги». Каждая уничтоженная пусковая установка – это один спасенный советский город. Возвращение спецназовцев не предусматривалось, это были группы одноразового использования. В случае если кому-то удалось бы уйти от преследования после выполнения задачи – они должны были оставаться в Европе и начинать диверсионную войну.

Так что происходящее было всего лишь еще одним полевым выходом. Упражнение на скорость, выносливость, умение переносить непереносимое...

То, что они про него знают – это факт. То, что будут преследовать – тоже факт. Уйти просто так они ему не дадут.

Осмелятся ли привлечь милицию, органы безопасности к преследованию?

А почему – нет? Легенду – придумают.

Прежде чем кто-то хватится Половцева – у них есть три – четыре дня. Даже может и больше, учитывая то, что Половцев отметился официально, что уезжает в Польшу. Его будут искать, только если какой-то срочный вопрос. Если нет – оставят в покое, дадут отдохнуть...

Скажут – беглый преступник. Может, заключенный...

По-польски он не знает ни слова. Стоит его увидеть любому поляку – он сразу поймет: чужой и расскажет ближайшему милиционеру. По правилам, разведгруппа находящаяся в поиске не оставляет свидетелей – только сейчас ведь не война. И поляки – не враги.

Если он попытается выйти к жилию, к железной дороге, к крупным автодорогам – шансы на то что кто-то его заметит и сообщит – резко повышаются. Значит, нужно использовать те сильные стороны, какие есть у него – умение выживать на природе, в «автономке». Идти к границе с ГДР, только там можно сесть на поезд или автобус.

По крайней мере, у него есть одежда, фляга, нож, пистолет и даже винтовка. В кармане охотничьи спички. Более чем достаточно чтобы выжить, польский лес – не африканская пустыня...

Интересно, каковы меры контроля границы? Это не ФРГ, это ГДР, дружественная страна – но границы не может не быть. Хотя бы из-за контрабанды²²...

Желательно бы переходить по воде, там не будет следов и проще потом оторваться...

Так он шел, и думал. Размышления прервала попавшая в него пуля.

...

Василь и Бойко действительно были опытными следопытами, разведчиками и охотниками, на службе болгарской госбезопасности. Они были первым послевоенным поколением, а учили их опытные инструкторы из сил безопасности межвоенной Болгарии – тем самые что застали еще ВМРО и учились у тех, кто годами выживал в горах, сражаясь то против турецких хайдуков то против сербских комитачей²³. Они умели неделями выживать в горах без помощи, на подножном корму – и при этом искать следы выслеживать и уничтожать врага.

---

²² Уже в те времена была контрабанда – поляки закупались более дешевыми и качественными товарами в ГДР. Тем более они там были – Польшу с семидесятых терзал кризис и ее магазины были намного беднее...

²³ ВМРО – временная македонская революционная организация, первая современная террористическая организация в мире. Они сражались за присоединение Македонии к Болгарии с чем были не согласны греки, сербы и турки.

Они взяли след – это было нетрудно – и шли по нему, при этом один вырывался всегда вперед, второй чуть отставал, прикрывая его. Зачем надо было искать и убить русского они вопросов не задавали: надо значит надо. Генерал Боев был сыном и внуком военных, деды Василя и Бойко ходили с дедом генерала по македонским горам. Они прекрасно знали, что Россия и СССР их предали – и потому ненавидели и не задавали лишних вопросов²⁴.

Когда Василь увидел впереди на тропе русского – он вскинул винтовку и выстрелил. Русский, ломая с треском ветки, упал.

Всё...

Они сели немного передохнуть – буквально на две – три минуты, перекусили вяленным мясом. Потом Василь посмотрел в прицел винтовки на русского – тот лежал там же, не двигался...

– Закопаем здесь?

– Да, только отрежем палец в подарок генералу

Василь кивнул – вопросов не было. Не тащить же всю тушу...

Поднявшись с места, они пошли к тому месту, где лежал подстреленный ими русский. Никакого торжества они не испытывали – только усталость от долгого похода по горам и облегчение о том что все наконец кончилось и осталось совсем немного. А потом можно будет вернуться к привычной жизни; генерал, наверное, приготовит им особенные подарки на следующий день Освобождения²⁵ Василь например всегда хотел фотоаппарат...

Когда они подошли к месту, прогремели несколько выстрелов – и оба они умерли...

...

Притворяться мертвым – его научил господин Асегуру. У своего последнего сенсея он научился много чему полезному, хотя к его степени мастерства он даже не приблизился. Господин Асегуру например умел останавливать на время сердце...

Ему просто повезло – винтовочная пуля ударила в висевшую на спине винтовку, сделав ее негодной – но оружие спасло ему жизнь. Дальше он просто лежал и ждал, пока появятся враги...

На этот раз – врагов было двое. Оба одинаковые, можно за близнецов принять – низкорослые, небритые, загорелые. Суровые лица охотников и воинов. Оба вооружены переделанными винтовками Мосина. У этих в карманах были документы, солдатские книжки на кириллице. Вьоружени сили – болгарская народная армия...

Забрав оружие, найденные документы и деньги, небольшой запас пищи Николай двинулся дальше...

Польская народная республика. Пограничная зона. 08 марта 1989 года

Подполковник Славомир Петелицкий, чувствующий себя полным идиотом в форме Народной милиции – стоял у бело-голубой машины с надписью MILICJA²⁶, пил кофе и чувствовал себя полным идиотом.

Впереди него был мост, мост через неширокую реку, а за ним была Германия. Как бы она не называлась – она оставалась Германией.

За плечами – были поиски, метания по дорогам и в приграничной полосе, обыски сараев, амбаров и заводских помещений, идиотов желающих помочь и идиотов желающих помешать. Один раз ему пришлось разнимать семейную драку, еще один – они нашли мелкого воришку и сдали его в участок. Еще немного – и можно будет потребовать себе какой-нибудь значок. За отличие в охране общественного порядка.

---

²⁴ Болгария конфликтовала с Сербией за Македонию. Потому-то оба раза во время мировых войн Болгария оказалась в противоположном от нас лагере – и проиграла в итоге.

²⁵ День освобождения от османского ига.

²⁶ В Польше милицейские машины имели немного не такую как у нас раскраску – вместо синего цвета как у нас поляки использовали светло-голубой.

Русского не было нигде. Он как сквозь землю провалился.

Подполковник стоял, смотрел на Германию, пил кофе и думал. Что бы там не думало начальство – этот русский лихой тип. В населенной местности, особенно в пограничной, где полно добровольных помощников просто так не скроешься...

Лиаз²⁷ с польскими номерами, идущий с той стороны остановился, небритый, с усами скобками водитель по-свойски поинтересовался

– Что случилось, пан начальник. Ищите кого?

– Проезжай да побыстрее... любопытный... пока в участок не загремел...

Водитель, пожав плечами, тронул машину

И все-таки хорошо сделали, что границу здесь поставили. Ох, хорошо²⁸...

– Девятый... девятый.

Добре сделали...

– Девятый... девятый... на прием.

Подполковник понял, что по связи пытаются достучаться до него.

– Девятый, на приеме.

– Девятый, выдвигайтесь к месту Рыболовы, немедленно. Как поняли?

– Вас понял... Вас понял...

Подполковник взял свою рацию, работавшую на армейских частотах.

– Кавалер всем позывным. Кавалер всем позывным. Выдвигаемся в квадрат...

Неподалеку – громко засвистел электровоз, загудела дорога. Подполковник допил кофе и сел в машину...

...

В названном подполковником квадрате кипела работа – совсем еще зеленые курсанты милиции строились у обочины, скучали, не зная чем себя занять ЗОМОВцы, выдернутые то ли из Познани, то ли из Вроцлава. У обочины стояли и машины скорой, что намекало на беду...

Петелицкий в толпе начальства и просто создающего видимость работы людя нашел полковника Полянского, тот нервно курил, по привычке сбрасывая пепел в кулек. Тот кивнул – мол, увидел...

...

– Что произошло?

– Болгары... курва их мать.

...

– Группа пограничников с собакой взяла след. Ну а в конце... два труп.

– Курва мать...

– Он взял две винтовки, личное оружие. Там же нашли брошенную СВД разбитую.

...

– Механизм разбит пульей. Но у него теперь есть еще две. И пистолет.

– Он ушел – сказал Петелицкий – точно ушел. Здесь совсем недалеко от границы, если бы спецмероприятия могли бы его остановить – уже остановили бы. Нет, он ушел.

Полковник Полянский кивнул, соглашаясь

– Есть место, где он точно будет. Куда он обязательно придет.

...

– Фюрстенберг. Где он служит. Он неизбежно вернется туда хотя бы на время...

Берлин-Фюрстенберг. 08-09 марта 1989 года

---

²⁷ В Польше была такая марка грузовиков, не путать с нашими автобусами.

²⁸ Згожецкий или Герлицкий договор – был подписан между ПНР и ГДР, не в интересах ГДР. Подверглся резкой критике ФРГ, затем было принято решение о «принятии» восточной границы. С момента вступления Польши в ЕС потерял актуальность. Границы в тех местах больше нет.

Польский поезд даже толком не проверяли – немецкий орднунг в действии. Вез он какое-то сырье для немецких фабрик – обратно поляки повезут готовые изделия. Во всех районах, граничащих с Польшей, поляки скупают все, что попадает на прилавках, вызывая дикую ярость ГДРовских немцев...

Перед одной из станций, когда поезд замедлил ход – он спрыгнул.

...

Была весна. Винтовки с большей частью снаряжения он закопал, тщательно обернув их имевшейся у него тканью – он снял с болгар часть одежды. Еще неизвестно, чем все закончится – и винтовки могут пригодиться.

При себе оставил нож и пистолет.

Осмотревшись, он понял в какой стороне жилье и пошел туда. Если про гибель Половцева никто не знает, то и он не в розыске. Вряд ли те, кто устроил «смерть на охоте²⁹» заинтересованы в том, чтобы поднять шум. По крайней мере, пока.

Из головы не шли слова генерала. Как их понимать? Что за бред такой?

Почему вообще произошло то, что произошло? Ради чего убили Половцева? Чтобы пойти на такое, нужны очень веские мотивы.

В чем была суть того спора, который он услышал – только завершающий его отрывок. Закончившийся стрельбой.

Я был коммунистом. А это как понять?

...

Берлин. Город, который был хорошо ему знаком.

У него было немного немецких денег, он сел на автобус и доехал до конспиративки. Машины Аслана на стоянке не было.

Купив в магазине неподалеку хлеба и молока, он принялся наблюдать.

...

Когда стемнело – свет не зажегся. Конспиративка была пуста. Но ему в любом случае надо было дожидаться темноты.

Одной из его сильных сторон было то что он хотя бы один раз пройдя или проехав по маршруту, запоминал его раз и навсегда. Неважно, был это город или лес или горы – заблудиться он уже не мог, внутренний компас направлял его.

Сейчас он направлялся к дому, в котором у генерала были свидания. То ли с любовницей, то ли со связниками Штази...

...

Подъезд не запирался, он огляделся – похоже, никого нет. Старый добрый берлинский дом стоял в ночи как брошенный всеми старый корабль. Но этот же дом мог стать смертельной ловушкой – подъезд один на всю эту махину, если что – только из окна и прыгать.

Но риск есть риск.

Стемнело совсем. Надвинув капюшон на голову, он прошел в подъезд, ожидая света фонарей в лицо и крика «Хальт!» Но ничего не было – только в воздухе плавали пылинки, пахло потом и капустой – краутом, да где-то на первом орал включенный на всю мощь телевизор.

Вперед!

Как и в большинстве берлинских домов – подвал тут был переоборудован под клетушки для хранения ненужных вещей, закрывался он на самый простой и примитивный замок и у каждого был ключ. У Николая ключей не было – но кое-какие навыки были, и он за время своих странствий – подобрал несколько подходящих кусочков проволоки, чтобы сделать отмычки.

---

²⁹ Аллюзия на популярные сигареты, которые в армии давали в пайке. Там на пачке был нарисован охотник с ружьем на утиной охоте, вот их и прозвали «смерть на охоте».

Но тут и этого не потребовалось – оказалось, тут замок был на пружине, и Николай легко отжал его лезвием ножа.

И снова – он ждал криков «халт!» если тут засада, но ничего подобного не было.

Здесь к запахам дома, прибавлялись запахи несвежей пищи и канализации. Подсвечивая фонариком, он прошел по рядам, отыскивая нужный бокс...

Вот...

Это не был бокс, соответствующий квартире, в которую ходил генерал. Другой. Открыв его ключом который дал ему умирающий Половцев, он увидел старый велосипед без заднего колеса, какие-то старые радиоприемники. На всем был слой пыли.

Простукав пол торцом ножа, он понял, где тайник. Еще минут десять потребовалось чтобы понять как он открывается, очистить пол от всего лишнего и открыть его.

В тайнике лежал журнал, причем Николай сразу узнал его. Такие журналы сами по себе были бланками строгой отчетности, они были пронумерованы и прошиты. Такие использовались, например дежурными по штабу для записей всего, что происходило во время дежурства. Просто так купить или украсть такой журнал было невозможно по понятным причинам.

Николай открыл журнал наобум и узнал четкий, разборчивый почерк генерала Половцева...

... Ирина сегодня довольна – выделили два гарнитура. Требуется договориться о контейнере для отправки.

Я никогда не думал, что можно быть мещанкой до такой степени.

...

– Выборы в Верховный совет. Голосуем за единственный блок коммунистов и беспартийных, отныне и вовеки веков. По телевизору показали голосование Кучера³⁰, сам он еле стоит на ногах, с обеих сторон его поддерживает охрана. Непонятно, где он голосовал, по слухам, избирательный участок на одного устроили прямо в больнице.

Что бы сказал Ленин, увидев это позорище. Как мы до такого вообще докатились!

Николай захлопнул журнал. Дневник!

Тайный дневник, который вел второй по должности после командующего ЗГВ офицер, начальник штаба группировки! Непонятно, зачем он это делал – жизнь быстро отучает дураков доверять свои мысли бумаге.

Неужели из-за этого его убили? Как бы то ни было, с первых же страниц ясно, что у Половцева были антисоветские настроения. Попади эта писанина в особый отдел – и было бы по-настоящему плохо.

Но что – убили из-за этого?

Бред какой-то. Из-за такого стучат в особый отдел, отдают под офицерский суд чести – но не убивают.

Николай продолжил изыскания. Еще в тайнике лежал офицерский портплед. Там могло быть все что угодно, в том числе и совершенно секретные документы – но там как оказалось лежал пистолет. В кобуре, Вальтер ППК послевоенного выпуска. Обычный ГДРовский офицерский пистолет, судя по обработке поверхностей – штучный, подарочный, но дарственной таблички нет...

Магазин был полон. И – все, больше ничего не было. Ножом он попытался проверить, нет ли еще одного тайника, тайника в тайнике, так сказать. Не было ничего.

Пистолет здесь зачем? Если его подарили – можно было хранить в штабе, в столе или сейфе, никто слова бы не сказал? Зачем его прятать?

Забрав все что было, Николай сначала закрыл и замаскировал тайник, потом прикрыл и бокс. Подумал взять велосипед для передвижения по городу – но он был сломан.

---

³⁰ К.У. ЧЕРНЕНКО.

В подъезде было так же темно, сухо и пыльно. Он приоткрыл дверь на улицу, прислушался... никого и ничего. Подумал – надо так или иначе выйти на связь с полковником Басиным, передать дневник и рассказать о том, чему был свидетелем. Сам он ничего не поймет и ни в чем не разберется... ничего не понятно...

– Руки вверх!

Николай замер. Сказано было по-русски, но по акценту – немец. Немцам никогда не удавалось избавиться от акцента до конца.

– У меня в сумке хрупкая вещь – сказал он – сумка упадет, вещь разобьется

Немец завис, потом решительно сказал

– Дай сумку сюда!

...

Это было ошибкой – потому что по шагам Николай определил и местоположение и расстояние до врага – а через две секунды он лежал на земле без сознания...

Обыскав карманы, Николай нашел какое-то удостоверение и бумажник – очень кстати в его ситуации. Подобрал пистолет и сунув его в карман вдобавок к уже имеющемуся – он пошел прочь от дома...

– Эй!

Он ускорил шаг.

– Эй, подожди! Русский, подожди, эй!

Немец догонял его, придерживая разбитый нос. Николаю вдруг стало понятно все безумие этой сцены – почему этот немец один, где все остальные? Никогда, ни при каких условиях задержание не проводит один человек – должно быть хотя бы двое.

– Русский, подожди!

Николай остановился.

– Тебе мало?

– Подожди. Ты русский солдат, который возил тех женщин. Жену генерала.

Стало интересно.

– Кто ты такой? Что тебе нужно?

– Ханс Грезе, меня зовут капитан Ханс Грезе.

– Никогда про тебя не слышал.

– Моего начальника арестовали, я в розыске. Если не хочешь попасть в застенки, русский, иди за мной. Я знаю тихое место, где можно поговорить...

...

– Верь мне, русский, там никто не найдет.

– Это далеко?

– Это совсем рядом

...

Дорожный люк, расположенный не на дороге, а в тихом немецком дворе сыто лязгнул, отсекая их от мира людей и открывая мир подземелья. Вниз – вел люк и старые скобы, вбитые в потрескавшийся от времени бетон. Чем дальше они спускались, тем больше чувствовалось подземелье – жара, духота, едва уловимый запах нечистот и железа...

Наконец ноги коснулись твердого – они спустились вниз не меньше чем на десять метров.

Немец чем-то побрякал – и темноту пронзил луч фонаря.

– Иди за мной.

– Куда мы идем?

– Это U-бан, метрополитен. Здесь полно мест, где можно спрятаться и никто не найдет. В некоторых местах можно даже перейти на ту сторону если знать как. Я начинал в отряде по охране подземных коммуникаций, всё здесь знаю.

– Здорово, – оценил Николай. – А идти долго?

– Минут двадцать...

...

Немецкий U-bahn не был похож на советский – он был куда ближе к земле и напоминал, скорее, подземную железную дорогу, нежели метро в советском его понимании. Его начали строить в 1902 году, когда Сименс придумал вагоны на электрической тяге. Ничего необычного – неглубокие станции как в Будапеште или Нью-Йорке, грохочущие поезда желтого цвета. Говорили, что некоторые станции проектировали так, чтобы туда могли при затоплении пройти подводные лодки, спасать фюрера, что была ветка длиной сто семьдесят километров до самого Киля – но это была, конечно же, ерунда. Ничего такого после войны не обнаружили...

Уверенно ведущий их немец толкнул дверь; и они оказались в небольшой, со стенами из бетона комнате, в которой была примитивная мебель, лежак, какие-то ящики. Немец поджег спиртовку, поставил на огонь небольшой чайник.

– Не угорим?

– Что?

– Отравимся, – Николай показал на спиртовку

– Нет, спирт можно.

За стеной прогрехотал поезд.

...

Чай немец заварил пакетированный, американской марки «Липтон». Стаканы же были наши, железнодорожные...

Все в Германии так – что-то от нас, что-то оттуда...

– Хочешь чая?

...

– Не переживай. Можем поменяться стаканами, если мне не веришь.

Николай пригубил чай.

– Почему ты здесь прячешься?

– Потому что меня хотят арестовать. А в психушку мне неохота.

– Зачем тебя должны посадить в психушку?

– Потому что Пиотровски этого хочет.

Николая заинтересовала знакомая фамилия.

– ... тот, кто мешает Пиотровски, попадает в психушку. Оттуда выходит полным овощем или совсем не выходит.

– Кто такой этот Пиотровски?

Сотрудник Штази посмотрел на него оценивающе и как то жалостно одновременно.

– Ты не слышал эту фамилию?

– Шеф что-то говорил

– Что?!

– Сначала скажи, что ты знаешь

Оба пистолета были у Николая. И это все определяло.

– Полковник Пиотровски. Руководитель управления коммерческого сотрудничества. От него идет разложение...

...

– Он достает все деньги, которые есть в этой стране. Голубой кафель³¹...

...

– Кто достает машины, мебель, одежду – тот здесь может все. Не Хоннекер, а Пиотровски правит страной.

...

---

³¹ Так иносказательно определялись дойчмарки в объявлениях

- Что про твоего шефа?
- ...
- Скажи что-нибудь, а то и я перестану говорить.
- Я думаю, что Пиотровски торгует наркотиками.
- ...
- Это возможно?
- С Пиотровски возможно всё... Наркотики... всё.
- Ты говорил, что кого-то посадили в психушку.
- Моего шефа. Он дал мне команду следить за вами.
- А тот грузовик?
- Какой грузовик?
- Марки ИФА? На дороге, мы едва не погибли. Ваших рук дело?
- Нет, но мы выясняли.
- И что же?
- Грузовика с таким номером нет.
- Вот как?
- Они подделали номер.
- Кто это «они». И зачем им это?
- Люди Пиотровски, больше никому. Зачем – не знаю. Твой шеф чем-то мешал Пиотровски или был в ссоре с ним. Он решил наказать.
- Немец показал на тетрадь, которую Николай по-прежнему держал подмышкой.
- А эта тетрадь? Что в ней?
- Николай прижал ее крепче.
- Там наше дело.
- Но ты спрашиваешь меня о наших, немецких делах.
- Я еще не прочел до конца то что там написано. Если там будет написано про Пиотровски
- я тебе скажу.
- Немец, к его удивлению, согласился.
- Почему все-таки Пиотровски охотится за тобой?
- Немец пожал плечами.
- Я не знаю. Но это началось ровно с того как мы отследили встречи вашего генерала здесь и начали расследовать это, задавать вопросы.
- А там, рядом с домом ты что делал?
- Немец не ответил.
- Говори, что ты хотел сделать?
- Я думал речь про деньги. Мне нужны были деньги, а потом я бы ушел. Я знаю как, в подземелье остались места. На Западе – играют роль деньги или информация. Я не мог уйти пустым на Запад.
- Николай кивнул. Мысли путались, он долго не спал... а тут было тепло.
- А что теперь ты намерен делать?
- Если твоего генерала не найти... уходить так.
- Генерал Половцев мертв. Его убили.
- Немец покачал головой
- Тогда надо уходить как можно быстрее. Если Пиотровски добрался до генерала советской армии...
- Я хочу спать. Я буду спать, не подходи ко мне. Сплю я чутко и у меня оружие...
- Немец кивнул
- Хорошо.
- Лихтенберг. 10 марта 1989 года**

Жизнь в Лихтенберге шла своим чередом, это был настоящий город со своими жителями и их потребностями. Каждый день сотни людей ехали в Берлин, разъезжались по всей Германии. Про генерала Половцева никто ничего не знал, официально он взял отпуск, а так – все понимали что он по своим каким-то делам уехал и вопросов не задавали.

Полковник Соболев как и положено офицеру его ранга имел собственную машину и не зависел от служебной. Сегодня он ехал в Берлин. В Берлине полковник был два – три раза на неделе по самым разным делам: надо было сдать в посольство и получить пакеты с грифовой перепиской, перекинуться парой слов то с кем-то из дипломатов, то с первым отделом, заехать к немецким коллегам и переговорить по текущим делам, купить по списку заказанное в берлинских магазинах. Секретную переписку он свалил в сумку, похожую на инкассаторскую, но печатывать не стал, потому что страна социалистической ориентации. Бросив сумку на заднее, он вытащил подсос, завел машину, оставил на холостых чтобы прогрелась немного – и тут в стекло со стороны пассажира кто-то постучал. Соболев удивился – а что тут адъютант Половцева то делает? Если генерал вернулся – то надо идти как минимум доложить.

– Капитан? Что это вы тут делаете?

Николай без спроса сел в машину, на переднее сидение.

– Мне нужна связь с товарищем Басиным.

Соболев понимающе кивнул.

– Ты у него на связи? Он уехал. Он тебя что, не передал никому?

– Так точно.

Соболев покачал головой.

– Бардак. Совсем охренели как я погляжу. Ладно, я как раз на узел связи в посольство.

Поехали, все как раз и выясним.

Соболев ничего не знал...

...

Николай выспался хорошо, потому не клевал носом даже в тепле идущей на хорошей скорости по трассе Волги. Они снова ехали в Берлин

– Ты извини, что я тогда тебя прижал – говорил Соболев, управляя машиной – сигнал поступил надо отрабатывать. Я и не знал, что ты у кого-то на связи...

– Товарищ Басин... он про отпуск говорил.

– Нет, перевели его. Сейчас выясним, куда именно. Он тебя вообще по отчетности провел или ты его личный был?

...

– Ты расписку писал?

Николай кивнул

– Впрочем, он мог ее и в карман сунуть. Ничего, сейчас разберемся. Без куратора не останешься...

...

У посольства – громадного здания на Унтер-ден-Линден – Соболев оставил свою Волгу снаружи. Николай догадался почему – чтобы не светить потенциального стукача, оформляя ему временный пропуск. Достал ключи из замка зажигания

– Сиди пока.

...

В стоящем неподалеку фургоне Ныса наблюдатель опустил бинокль.

– Кажется, есть. Белая Волга.

...

– Сообщи полковнику...

Соболев был в посольстве больше часа, вернулся чем-то довольный.

– Геноссе Басин сейчас в Праге обитает, недалеко совсем. Ты ему доложить хотел, так? Николай кивнул.

– Тогда руки в ноги и ходу, комнату связи через пятнадцать минут заберут. Сиди, сейчас проедем, пропуск оформлен на тебя.

Соболев сел за руль, завел мотор. Но тронуться не успел.

Стекло пошло трещинами от попадания пули и в каждой из них – отражался солнечный свет, отчего всю машину высветило мгновенной вспышкой. Николай успел пригнуться, закрытие приборной панели и двигателя прежде чем вторая пуля, чуть не задев его, прошла выше. Его осыпало осколками стекла...

Твою ж мать...

Двигатель работал, а это было главное. Стараясь не высовываться, Николай воткнул передачу, одной рукой перехватил руль, другой – нажал на ногу мертвого уже человека, заставляя нажимать на газ. Машина столкнулась с чем-то, еще раз переключить передачу он не мог – нечем выжать сцепление. Потому ему оставалось только сильнее выворачивать руль и жать и жать на газ. И Волга не подвела – с ревом, треском и скрежетом, она все же вырвалась из ловушки, пошла на первой, зверски завывая мотором...

...

Стрелок опустил Гусара³² – стрелять он больше не мог. Из посольства на шум выбегали солдаты КГБ и посольские.

– Уезжаем...

Он не был уверен, что попал.

Берлин-Прага. 10 марта 1989 года

Волгу он оставил на улице – выскочил из машины и бросился бежать сломя голову. Соболев был или мертв или тяжело ранен, и помочь он ему не мог ничем.

Вопрос был во времени – он понимал, что если до этого его и не искали, то теперь будут, и раз Соболев оформил на него пропуск – значит, и вопросов кто был в машине – не будет. Заодно придумают и что-нибудь про Половцева, что это он его и убил. Зачем? А какая разница?

Решив, что весь вопрос – во времени, он за пятнадцать минут – рекорд – добрался до вокзала, с рук у спекулянтов ему повезло купить билеты на Виндобону³³. Переплатил, потратил большую часть денег – но этот поезд не проверяли. До последнего – Николай стоял на подножке, смотря не сядет ли кто в вагон в последний момент – пока проводница с присущим ей тактом не согнала его с неположенного пассажиру места.

Не сели...

У Николая не было вещей кроме небольшой сумки, с которой он не расставался. С ней он прошел на свое место.

– Здравствуйте...

– Здравствуйте.

Машинально отметил – семья, не может же быть...

Отец, мать, ребенок – девочка, лет десять. Русские, судя по говору – как раз ленинградцы. Едут домой.

Старался не привлекать к себе внимания, уступил нижнюю полку, сам полез на верхнюю. К разговору вроде бы и не хотел прислушиваться, но уши то не заткнешь.

Сколько в ГДР получает научный работник и сколько у нас...

А вот там в Берлине даже телевизоры Шарп в свободной продаже стоят...

Квартиры у них – у каждой лоджия закрытая, еще в подвале кладовка – а у нас...

---

³² Редкая польская снайперская винтовка на базе АК с помповым перезаряжанием.

³³ Виндобона – «топовый» поезд железных дорог ГДР, маршрутом Берлин-Прага-Братислава-Вена. Наподобие нашего ЭР-200 курсировавшего между Москвой и Ленинградом. Назван в честь первого поселения первобытных людей на месте современной Вены. Его всегда водили самые скоростные локомотивы. Отменен с декабря 2014 года (и жаль).

Зам декана себе командировку в Японию на симпозиума пробил, сволочь...

Надо ту дубленку все-таки купить, дешевле уже не будет...

Репетициями доберу...

Все это говорилось с какой-то обыденной, застарелой озлобленностью, причем совершенно не стеснялись тут же находящегося ребенка. Интересно, а какой вырастет эта девочка? Жадной, циничной мегерой?

Он слез с полки, пошел в тамбур, якобы покурить. Эти – притихли, как будто догадались, что он слушал.

Николай про себя усмехнулся – наверное, сейчас думают про себя, не стукач ли. Боятся...

И пусть – боятся...

Поезд гроыхал на стыках, подходя к какой-то станции.

...

Он проголодался. Решил сходить в вагон-ресторан, он был за два вагона от них.

В вагоне-ресторане никто и ничто не привлекло его внимание, он заказал, расплатился. Когда доедал бутерброд – с другой стороны состава в вагон-ресторан зашли двое. Мужчина – аккуратные усики, лет сорока, похож на чиновника – и с ним женщина. Ростом с него, то есть метр восемьдесят, блондинка, короткая модная стрижка. И хотя вели они себя совершенно естественно, на него не обращали никакого внимания – наигранность он почувствовал.

...

Перед Прагой – он пошел к проводнице, осведомился, сколько стоим. Сказал, что пойдет, сигарет купит, спросил, продают ли за рубли.

Проводница сказала, что нет.

Он пошел в тамбур, при нем не было никаких вещей.

Вышла проводница, открыла дверь, выглянула. Жесткий перестук колес – поезд проходил одну стрелку за другой.

А вот теперь пора!

Проводница, как и было положено, стояла в открытой двери, он максимально вежливо отстранил ее и прыгнул на перрон Праги-главной с быстро замедляющего ход поезда.

– Мужчина! – ветер и грохот колес заглушили возмущенный крик.

На женщину, слава Богу, не похож...

Прага-главная встретила высоченной стеной – благо скорый поезд приходил на первый путь. Он побежал по направлению к багажному отделению – оно было ближе.

Praga-Hlavny.

Если и встречают – что маловероятно – они не успели связаться с теми, кто в поезде. Но скорее всего не встречают.

Шарахнувшись от кого-то, он влетел в длинный, гулкий подземный переход, ведущий от путей прямо в город. За спиной визгнуло, пронзительно закрипело железо – кто-то сдернул стоп-кран, но было уже поздно.

Ушел...

Берлин-Прага. 11 марта 1989 года

Сэр Колин прибыл в Прагу снова вполне официально – по своему паспорту, вместе с туристами.

Он вспомнил по пути из аэропорта другой визит в страну социалистического лагеря, много лет назад, в Бухарест. Он туда прилетел на самом деле как турист, ну и... осмотреться. Его поселили в старом отеле, там было полно прислуги, которая все время пыталась им что-то продать за иностранную валюту. Как то раз он вошел в номер и обнаружил там незнакомую симпатичную женщину с бутылкой шампанского, которое она попыталась ему продать. Шампанское было местным, то есть плохим – и он вежливо но твердо отказался. Женщина рассмеялась и сказала – дурачок, в цену вхожу так же и я...

Восточная Европа, как она есть.

Прага встретила брусчаткой, перестуком старых трамваев, темными стенами старого города. В отличие от многих других городов в этих местах – Праге удалось уцелеть во Второй мировой, ее не разнесли артиллерией ни немцы ни союзники, в отличие от Варшавы, к примеру, которую просто стерли с лица земли, или Будапешту, бои в котором продолжались более ста суток. Потому здесь сохранился старый ансамбль средневекового города, который местные власти не успели слишком изуродовать бетонными курятниками. Причина проста – не слишком то много денег.

Тем не менее, русские сделали Праге подарок – метро. Конечно, не такое как в Москве, там станции предназначены для спасения населения в случае ядерной войны. Но в Праге были уже две линии метро, почти все станции неглубокого залегания и планировали строить еще.

Так что до гостиницы – сэр Колин поехал именно на метро.

...

В киоске в гостинице сэр Колин купил газету «Вечерная Прага». Полистал ее... в отличие от коммунистических газет в ней была реклама. Где же... ага, вот.

Богемский хрусталь. Сертификат подлинности.

Сэр Колин поменял у портье мелочь и пошел к телефону-автомату.

...

Номер сохранял остатки былой, австро-венгерской роскоши, хотя все это было уже не то. От былой империи осталось само здание, осталась часть мебели, тяжелой, деревянной, солидной. На столике диссонансом был пластиковый дешевый телефон, еще и красного цвета.

Сэр Колин достал карманный нож, вывернул винты.

Ну, да, конечно. Даже не скрываются.

В дверь постучали. сэр Колин выругался, пустил телефон на пол, пошел открывать.

Портье. Глаза бегают, как то странно облизывает губы.

– Вы хорошо устроились, мистер?

Неужели камера есть?

– Да, все в порядке. Я хочу отдохнуть.

Портье встрепенулся.

– Мистер, у меня есть знакомые, которые тоже хотят отдохнуть. Есть наши, есть венгерки. Пальчики оближешь.

Вон оно что.

К счастью, у сэра Колина в кармане оказалась десятка. Это было много, но делать было нечего.

– Может быть потом. А сейчас я хочу спать.

...

Закрыв дверь, он продолжил обыск. Нашел еще микрофон и закончил с этим – понятно, что комната наспигована ими. Но он тут и не собирается говорить лишнего.

Разобрав кровать, сэр Колин лег спать. Ему надо было отдохнуть...

...

Сэр Колин проспал ровно три часа – этого было достаточно чтобы восстановить силы часов на восемь. Уходя из номера – он не стал совать волосок в дверь или кусок бумажки на притолоку. То что номер обыщут – он и так знал. Но если те кто будут обыскивать – найдут его контрольки, то заподозрят неладное.

А ему это совсем не надо.

...

Станция, на которой он вышел, была названа в честь коммунистического лидера Готвальда – Готвальдова. Она одна из немногих в Праге, которая была надземной, с просторным вестибюлем. Встреча была назначена здесь.

На станции сэр Колин покрутился, потом принялся просто ждать. Через какое-то время к нему подошел полноватый бородач в очках. Он выделялся в толпе пражан импортным светлым плащом и импортными очками.

- Добрый день.
- Добрый, – буркнул сэр Колин.
- Вы интересовались хрусталем?
- Так и есть
- Но мы продаем только за валюту
- У меня есть валюта.
- Доллары?
- Марки. Западногерманские.
- Бородач кивнул.
- Тогда пойдемте.

...

Вместе они вышли на улицу со станции метро, тут же подъехала черная Волга. Русская машина, по размерам примерно как Форд Гранада.

- Долго ехать?
- Нет, это в городе.

Ехали и в самом деле недолго. Волга петляла в каких-то новых районах, уставленных коммунистическими курятниками, потом сэру Колину показалось, что они даже выехали из города – но потом вернулись. Курятники, промзона, еще промзона. Чем отличался коммунистический город – очень мало торговых площадей. Товарищи не любят торговлю, как пережиток капитализма, все необходимое им выдают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.